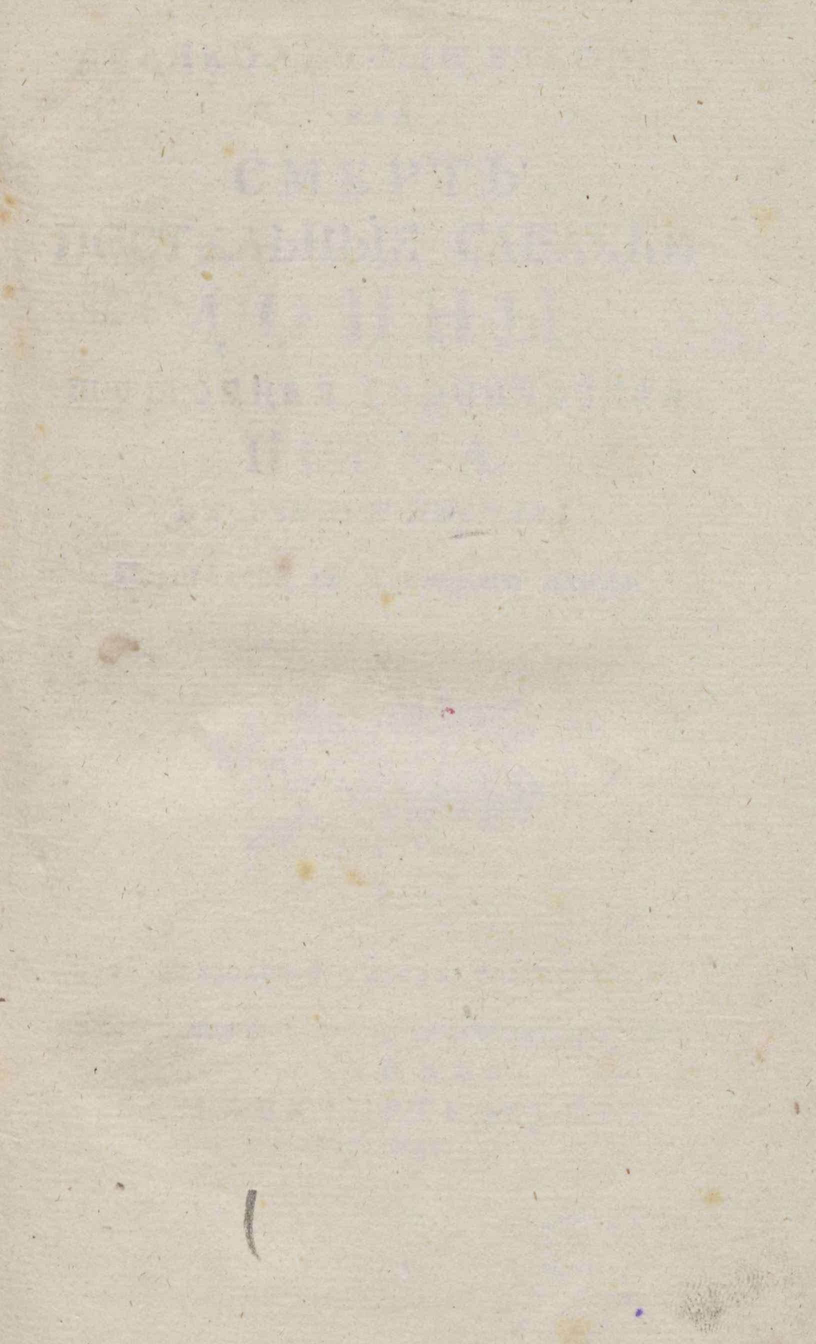

Великолѣпный вздоръ,

или

СМЕРТЬ ПОСТЕЛЬНЫЯ САБАЧКИ ДОННЫ,

шуточная героическая

ПОЕМА.

въ девяти пѣсняхъ.

Переведена съ Нѣмецкаго языка.

съ дозволенія Управы благочинія.

печатана
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1787 года.

Въ семъ складѣ надобно, чтобъ Муза подала
Высокїя слова, на низкїя дѣла.

II. Епистола о Стихот: Господ: Сумор: лист: 17.

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ 1я.

СОДЕРЖАНІЕ I ПѢСНИ.

Арминда предъ полуднемъ наслаждается еще пріятностію сна, множество разныхъ божковъ любуяся ея красотою, рѣзвятся съ нею и ея одеждою забавляются; а духъ ея хранитель вообразѣ любимой ее Сабачки [Донны] сидя близь ее провозвѣщаетъ, что онъ прежде бывалъ во многихъ тѣлахъ, и переходя изъ одного въ другое. Наконецъ вселяся въ Донну, и безотлучно находясь при Ариминдѣ, какъ днемъ такъ и нощію дѣлаетъ ей разные утѣшенія. По томъ входитъ въ спальню, услужливая Лоретта [комнатная ее служанка] возбуждаетъ ее отъ сна, одѣваетъ и пріуготовляетъ къ шествію на пиръ. Между тѣмъ подвозится колесница и Арминда во оной шествуетъ вмѣстѣ и съ любезною своею Донною въ замокъ Санховъ.

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ 1я.

Пой божественная Муза, злосчастїе Арминдино, и приключенную ей сугубую горесть, когда она любовника окровавленнаго, и свою сабачкуу мирающу зрѣла. Се карликъ возрастаетъ до Исполина! Мятежъ, зависть и ревенїе раздѣляютъ на земли людей, и Боговъ на небесахъ. Тако безсмертныя благоволятъ мѣшатся въ судьбу нашего свѣта, когда падутъ гордыя стѣны Илїона (*) или постельная погибаетъ сабачка!

(*) *При семъ напомянулось мнѣ нѣкоторое мѣсто, гдѣ сказано о дурныхъ стихотворцахъ,*

Но прежде (*) повѣдай мнѣ, какая сила Арминду толь долго въ суровствѣ подкрѣпляла? или естьли она только притворно такъ казалась, какая власть вливала робость въ сердце любовника ея? Не удобь рѣшительная загадка, коимъ образомъ будучи она имъ тронута, и ево вздыханiямъ внимая, могла казатся нечувствительною! Боги потребны къ изъясненiю сего таинства, можетъ ли Лордъ стыдится и красавицу не навидѣть.

Уже

что естьли они хотятъ представить горящей городъ, то всегда изображаютъ бѣдную Трою. Но я уповаю, что мои читатели не обратятъ на меня сего изображенiя, они въ слѣдствiи Поемы моей увидятъ, что я по необходимости Трою напоминаю; ибо шучу я надъ бранiю Боговъ за сей городъ по Гомеру бывшую, и IV. книгу Илiады развернутую въ мысляхъ имѣю, ибо въ томъ случаѣ, Троя не въ томъ разумѣ положена но для сравненiя малаго съ великимъ.

(*) *Послѣдуя Мильтону первой книгѣ Потереннаго Раю.*

Уже свѣтило дневное шесть степеней по полудни протекло къ западнымъ волнамъ, уже знатныя господа шли къ столу, и мѣщане пили чай, солнце пресвѣтлыми своими лучами освѣщало тотъ одръ, на которомъ прекрасныя очи паче блистанїемъ его украшенныя, тогда опочивали. Уже двацать юношей ополчали свои лица, клали въ пукли побѣдоносныя свои власы, тебѣ Арминда устроевая опасность и вооружаясь побѣдить тебя. Гремятъ уже катящїяся къ посѣщенїю колесницы; и пудрой удрученныя гости, высылаютъ скороходовъ возвѣщать о своемъ пришествїи. Уже юная Богиня властно сѣдитъ въ бѣсѣдѣ и побѣждаетъ. Уже жадный петиметръ четвертую цѣлуетъ руку, единая Арминда еще на одрѣ своемъ пребываетъ.

Прїятное утомленїе связуетъ прекрасныя ея рѣсницы, лежитъ прелестно размѣтавшись, и Фебъ никогда толь прекрасву и во снѣ утреннемъ ея не видывалъ!

валъ! любопытно взираетъ онъ на играющихъ во кругъ ея любви божковъ: иной трогаетъ ея за нѣжныя груди, иной скрывается въ ея одежду, двадесять рѣзвятся съ убрусомъ, прикрывающимъ ея; двадесять обьемлютъ спущенную съ одра ногу; цѣлыя толпы, жаждущи новыхъ красотъ открытїя, касаются воскрилїю нижнихъ ея ризъ. Фебъ пресвѣтлыми зѣницами на забаву сихъ божковъ взирая желаетъ и самъ болѣе видѣть, ждетъ счастливыя не осторожности и огнедышущихъ коней къ теченїю не побуждаетъ.

Между тѣмъ когда Арминдою прїятный обладалъ сонъ, подвиглась ея грудь, и три легкїя испустила вздохи. Образъ ея процвѣлъ; бѣлыя руки казались будтобъ противуборствуютъ, и румянецъ подобной стыдливости разливался по ея ланитамъ, отъ сладкихъ чувствъ ощущаемыхъ во сновидѣнїи, рдѣлось улыбающееся

ѥся ее лице; но что она тогда въ прелестной мечтѣ ощущала, того не повѣдала мнѣ Муза.

Близь ея, гдѣ Донна (*) для охраненїя ея красоты лежала, тутъ видитъ сѣдящаго лѣпообразнаго юношу. Зракъ его нѣженъ и прекрасенъ; но нѣкая тайная печаль изъ пламенныхъ его очей блистала; сей усмѣхнувшись, изрекъ, не ужасайся прекрасная Нимфа сею утѣхою, которую ты днесь вкусила, наслаждалась ты часто во снѣ утреннемъ, и часто въ полунощномъ, когда съ вечера музыка и танцы распаленную твою кровь тревожили; когда ты изъ подозрительныхъ угловъ звукъ жаркихъ слышала поцѣлуевъ; когда Шампанское вино горѣло во всѣхъ жилахъ твоихъ; когда сердце твое отъ Левантскаго напитка трепетало; когда бездушныя изображенїя въ живописи представленнаго естества, или вольныя описанїя прї-

(*) *Имя постельней сабачки.*

пріятныя Софы (*) восхищали твой умъ и чувства, тогда сія мечта отъ меня тебѣ была. Пресмѣшными заключеніями доказываетъ углубленный Философъ то, что мы духи лутче его вѣдаемъ! знай и ты, знай прекрасная, что не пустая тѣнь преходитъ въ сладкомъ снѣ! но я, охраняющій тебя духъ, бываю симъ юношею, который во сновидѣніи тебя лобызаетъ.

Познай меня; я духъ, который многія тысящи лѣтъ преходя изъ тѣла въ тѣло, на конецъ поселился въ плоти твоей сабачки. Изгнанная моя душа, пролетѣвъ обширныя края вселенной, вмѣстилася напослѣдокъ въ тѣло, которое Арминда Доннoю называетъ. Увы! въ благороднѣйшемъ жилищѣ прежде она обитала; и изъ прекраснаго мущины, стала ввержена въ презрительнаго звѣря, естли ты изъ стихотворныхъ басенъ знаешь нѣкотораго Фригійца, которой ввелъ воискушение

(*) *Романъ младшаго Кребилїона.*

ніе Сивиллу. Аттисомъ онъ назывался, то безъсомнѣнія я тебѣ извѣстенъ. За сіи счастливыя минуты, требовалъ отецъ крови, и кровію платилъ свои утѣхи. Но не примирительная Богиня, всегдашняя ненавистница любви еще тѣмъ не довольна будучи, мщенія своего не прекратила. Безъ надежды ища добродѣтели равныя своему преступленію, странствуя понеисчетнымъ тѣлесамъ, уже болѣ тысящи разнообразныхъ смертей я познаЛъ: иногда удрученный лѣтами: иногда убивствомъ сильныхъ рукъ; иногда вкушеніемъ яда, смерть меня постигала: и всегда опять оживотворялся: былъ и псомъ и птицею. . . Но увы! естли вниду я въ ужаснаго Дракона! . . . о Богиня! уже не буду больше стерещи красавицъ!

Прозорливыя ващи мудрецы, удобны только къ открытію такихъ бездѣлокъ, каково Сатурново кольцо, или въ Солнцѣ пятны; а собственную ихъ судбину, мракъ темныя ночи отъ нихъ скрываетъ

что

что они суть, и что по томъ будутъ того еще ни единый Лейбницъ провидѣть не могъ. Но Платонъ, коему нынѣ болѣ смѣются, нежели его разумѣютъ; сей Божественный Платонъ, имѣлъ зрѣніе, могущее проникнуть во глубину вѣчности, вѣдалъ онъ предѣлъ души; вѣдалъ онъ, какъ она очистяся отъ бреннаго праха, носится по всей селенной. О Арминда! внемли, вмѣсто всѣхъ сухихъ нравоученій, удобныхъ сохранить тебя отъ любострастія; внемли, чему поучаетъ сей Греческій мудрецъ, и что твоя сабачка сама испытала.

Души умерщихъ людей, будучи обмараны, стремятся восходить въ Эмпиреумъ, или въ миръ тѣлесный. Тѣ, которые избыточественно плотскими грѣхами оскверненны, погружаются въ прахѣ, и становятся пресмыкающимися червями; разбойники, смертоубійцы, или покорители вселенныя, восхищаясь содѣяннымъ опустошеніемъ, вселяются въ человѣконезави-

стныхъ

стыхъ комаровъ, и въ кровожаждущія блохи; бываютъ скорпіонами, осою, мошками, и ставъ симъ крылатымъ воинствомъ вѣчную имѣютъ брань со скотами и людьми. Слабый Стихотворецъ, болѣе самолюбія, нежели духа имѣющій, терзаетъ и во сверчкахъ слухъ, такъ же какъ жестоко терзалъ онъ стихотворцевъ: а надменный премудростію Педантъ властвуетъ и лапами при концертѣ юныхъ кошекъ, тактъ среди нощи ударяетъ. Влюбленный въ страсть свою изсохшій тунеядецъ, взираетъ сквозь очки на монады, и еще прилѣжно разсматриваетъ ихъ силу; а безумный Алхимистъ чрезъ реторты, перетапливая водяныя частицы, ищетъ злата и въ смрадномъ дымѣ безобразится. Кто непостояннаго сердца, и часто измѣнялъ свою любовь, тотъ долженствуетъ внити въ воробья, или пестрою бабочкою съ мѣста на мѣсто перелетывать. Се благоволеніе предѣла! тогда уже оставляетъ частный

духъ

духъ грубое свое тѣло, когда всѣ свои возненавидитъ пороки; и блаженъ бы онъ былъ, естлибъ только симъ долгое ево странствованіе окончалось! но увы! не милосердая судьба требуетъ еще отъ насъ добродѣтели: и каждый духъ повиненъ оскорбленную на свѣтѣ добродѣтель въ живущихъ людяхъ подкрѣплять, и такъ тотъ, кто искушалъ, долженъ другихъ сохранять отъ искушенія. Теперь уже извѣстно тебѣ, какой рокъ даровалъ меня въ твои руки. Чудно ли, что красота твоя меня смущаетъ? Чудно ли, что я имѣю ко всему мужескому полу вражду, уста твои цѣлую, и въ случаѣ нужды, въ тайномъ живу съ тобою супружествѣ? еще необитаетъ никто въ невинной твоей груди, еще не сумнѣваюсь я въ непорочности твоей; но сколь легко ея лишеніе, часто вступаю я за тебя съ множествомъ дворянъ, и съ цѣлыми легіонами злыхъ духовъ въ брань! Увы сей день мнѣ прежасенъ! грозитъ кофе, танцы, музыка и вино, злополучія они не преложныя пред-

предвѣстники, и яко не избѣжныя небесныя признаки, кои сказуютъ страшное разбитїе корабля. Готовся прекрасная Нимфа, готовся къ видѣнїю крови и ранъ; и стрегись паче всего осквернить убивствомъ свои руки!

Тако онъ, и се услужная Лоретта, съ убранствомъ въ чертогъ ея входитъ; отъ сна ее возбуждаетъ и извиняется. Арминда покидаетъ одръ, и уже сѣдитъ за уборнымъ столикомъ; красота ея вновь прозябаетъ, растрепанныя локоны вновь сооружаются, и на ланитахъ свѣжїя произрастаютъ розы. Между тѣмъ запряженныя въ позлащенную колесницу и тяжкою бронею удрученныя кони, пришествїя ея съ лѣствицы ожидая, въ нетерпѣливости гривами помаваютъ, порываются, и кровавою пѣною плящущи удила окропляютъ.

Наконецъ побѣдоносная сїя колесница, отверстою дверїю приемлетъ въ себя красавицу и ея Донну: Яганъ становится на-

назади; а Детловъ плещетъ бичемъ, кони летятъ, и блѣдными подковами ударъ по ударѣ въ стенящіи камни низносылаютъ; содрагается поверхность земли, трепещутъ твердыя оси, и быстро обращающіяся колеса испускаютъ громъ: путь невидимо протекаетъ, и желанное мѣсто уже приближается.

Шествуй ты къ побѣдѣ! лети чрезъ бугры и чрезъ долины на Медейныхъ драконахъ, или на вѣтренныхъ крилахъ! Лети на Орлѣ Юпитеровомъ, носящемъ ужасное его оружїе по пространнымъ небесамъ, или на молнїи пари; всѣ крилѣ естества, побѣдитъ моя божественная Муза. Шествуй благополучно! Мы опять въ чертогахъ Санховыхъ увидимся съ тобою.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

СО-

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ IIя.

СОДЕРЖАНІЕ II ПѢСНИ.

Арминда пріѣзжаетъ въ замокъ, начинается шахматная игра и въ кости, описуются чертоги замка. Лордъ проситъ Венеру, о вспомоществованій любви его къ Арминдѣ, и приноситъ ей въ жертву всесожженія, ленты, опахалы, любовныя письмы, слезы и воздыханія; по томъ оставляетъ тлѣющееся пламя, исходитъ на встрѣтеніе гостей: между тѣмъ управительша Лордова, въ которую онъ прежде былъ влюбленъ; не видя его двѣ недѣли, во отчаянности призываетъ свою служанку Анну, и повѣствуетъ ей, о измѣнѣ Лордовой и о новой его любви къ Арминдѣ. Анна внявъ ея негодованія, обѣщеваетъ ей свои услуги.

)o(

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ IIя.

Все уже было предуготовлено къ веселїю, и въ нетерпеливомъ ожиданїи отверсты уже врата замка къ принятїю тебя Арминда, благоуханїе наполняетъ залы; чертоги одѣянны свѣтомъ, и всѣ мѣста въ сладкомъ восторгѣ о тебѣ радуются. Тако играютъ цвѣтущїя твои луга, благополучный Пафосъ! когда снисходитъ къ тебѣ Венера, и милосердымъ окомъ объемлетъ великолѣпныя твои храмы, подобно двумъ мраморнымъ столпамъ въ вѣчномъ молчанїи на Мавзолею взирающимъ, бдятъ два служителя на высотѣ башенъ, и оттуда когда возгремитъ колесница, или густая пыль помрачитъ ясность небесъ, обращаютъ жадныя свои взоры къ той странѣ, отъ куда гость ожидается.

Три

Три чертога занимаетъ вседневно влюбленный Санхо: посвященный правосудію, игрѣ и вину. Тамо до глубокія полунощи, когда и Ганибалы не сражаются, бодрствуя сребролюбіе, содержитъ остроту во бранѣ. Кони воюющія яко Парѳяне протекаютъ ряды противничьи; бранныя слоны дерзновенно на Царя наступаютъ, и быстрыя Лаліи, какъ блескъ смертоносныя молніи ударяютъ въ разстроенныя вражескія ополченія; рядовыя или низверженны падутъ, или рядовыхъ низлагаютъ. Герой и Ратай, слѣдуютъ оба предписаннымъ уставамъ; единый прямо подвизается, другій во всѣ концы браннаго поля бѣгаетъ; брань горитъ ужасная; пѣшешествующія воины спираются; слоны изъ края въ край преходятъ; кони на всѣхъ странахъ безъ жалости противуборствующихъ поражаютъ: всѣ въ страшномъ мятежѣ и смущеніи! Но се грядетъ побѣдоносная Царица; страхъ смертный предшествуетъ ей, и слѣдомъ влекутся лавры; Гигантообразный ея су-

пруго робѣетъ и за хребтами подданныхъ своихъ укрывается. Всѣ храбрѣйшія его воины, отъ рядоваго даже до Царицы бываютъ часто умерщвляемы не годными руками, его единаго жизнь спасая. Преславная смерть! когда очи закрывающіяся вѣчнымъ сномъ, не видятъ еще врага господствующаго въ полѣ; ниже Царя въ плѣнъ влекомаго, когда слухъ не пронзенъ еще торжественнымъ восклицаніемъ побѣдителя; ниже стыдомъ уязвленна, зря его гордо несущаго грудь, и велегласно вопіющаго: *отдайся Шахъ!* Тогда раздаются тамо торжественныя пѣсни, собираются вновь силы или по обширнымъ полямъ разсѣянныя катаются кости. Часто и другія кровопролитнѣйшія брани ополчаютъ распещренныя свои бумаги: и кто побѣжденъ тамо, тотъ пришедъ сюда побѣждаетъ, а кто здѣсь отъ единаго только врага уклоняяся; тотъ тамо дерзаетъ противу трехъ; о непостоянное счастіе! трехъ во единой брани низвергаетъ!

На

На противъ сего чертога есть другій, гдѣ управитель часто распоряжаетъ, и свои учрежденія проповѣдуетъ. Когда наблюдающій теченіе времени колоколъ десять часовъ ударитъ, когда уже всѣ игумины отъ сна пробуждаются, и монахини отъ утренни возвратясь, къ уборнымъ столикамъ поспѣшаютъ; тогда Лордъ является воономъ чертогѣ; егда звѣзда его на немъ блеснетъ, падутъ предъ лице его управитель, стряпчій, и писецъ. Тутъ правосудіе продается по договорной цѣнѣ, и духъ Управительшинъ предсѣдитъ въ судѣ, толь не порочномъ.

Нѣмы всѣ подвластныя, когда разсудиться гласъ духовнику ея испустить; и уста судіи вѣщаютъ тако: Никогда не окроплялось здѣсь не винное лице слезами; никогда передняя клянущая, богатыхъ бездѣльниковъ, вопля не слыхала.

Всѣхъ прекраснѣе тотъ чертогъ, гдѣ Лордъ, позванный Музой, между нагихъ

образовъ стихотворствуетъ, или дремлетъ. Здѣсь облачается онъ въ ленты, здѣсь опять ихъ низлагаетъ; здѣсь утро возвращаетъ ему тѣ чины, кои вечеръ у него похищаетъ. Здѣсь позлащенныя романы, состоящія рядахъ въ двадцати противъ огромнаго зеркала, въ него посматриваются. Побѣдоносный Амадисъ, влюбленныи Александръ, всѣ Петиметры Скудеріины, или сумозброды Галандеровы, бѣдныя рыцари изгнанныя Сервантомъ изъ Гесперіи, скаски Феевъ, Софы, или дурачества Парижскія, надменныя Арминіи, гдѣ задумчивыя воздыхаютъ Туснельды и Банизы, гдѣ дуракъ разумнѣе говоритъ героя, всѣ тутъ о себѣ радуясь и собою восхищаясь, предстоятъ.

Одесную ихъ является гордый Кабинетъ, и опущенное его крило, пространную представляетъ площадь. Здѣсь вымышляетъ Лордъ для каждаго дня себѣ забавы, здѣсь разсуждаетъ онъ о благоденствіи отечества, или къ любовницамъ по-

сла-

сланія начертаваетъ; но днесь иная надежда, надежда толь гибельная многимъ влечетъ его къ сему жертвеннику: любовь къ Арминдѣ къ нему его приводитъ.

Часто онъ съ нею видался; желаетъ побѣдить ее; желаетъ испытать свое счастіе, и желанію послѣдуетъ клятва: да оставя всѣхъ, ею единою во вѣкъ воспламененъ будетъ. Се насталъ тотъ день, въ который узритъ онъ побѣдительницу своего сердца; и се воспосылаетъ онъ свои обѣты, и совершаетъ жертву всесожженія.

Твердъ въ предпріятіи, сѣдитъ онъ при жертвенникѣ, и троекратной испустивъ къ Киѳерской Богинѣ вздохъ, проситъ съ воздвиженною на Небо рукою, да услышитъ она скорбныя его молитвы: О Богиня! ты, которой почитаема всѣмъ свѣтомъ пріятная власть, иногда царства населяешъ, и къ столу ломберному сажаешъ игроковъ; ты, которая воздыханіямъ красавицъ внемлешъ, или чехоткою ихъ

терзаешь; когда единая въ супружество посягнетъ, а другая въ пустыню водворяется, или когда паче ожесточенный! твой гнѣвъ, лютѣйшія дѣйствія производитъ, и нудитъ единую пронзить себя кинжаломъ, а другую вседневно принимать пилюли, ты, которая владѣешь ихъ рукою, когда они нарушаютъ клятвы священнаго союза, или зданіе прекраснаго тупея сокрушаютъ; ты, которая купно съ Юпитеромъ владѣешь нашею судьбою, и побѣдительною десницею обращая въ пепелъ Персеполи, или любовныя сожигаешь письма! внемли о Киѳерская Богиня! единая Нимфа презираетъ твою власть; Нимфа, долженствующая прежде всѣхъ принесть жертвы на олтаряхъ твоихъ. Но ея сердце никогда еще не воздыхало, или паче сказать никогда еще и воздыхать не хотѣло. Единая Донна ей любезна; сухія книги утѣшеніе ея. На прекрасномъ ея лицѣ вѣчная обитаетъ весна; но прелютая зима живетъ въ хладной ея груди. Богиня! естьли я когда нибудь могъ побѣ-

дить

дить гордость суровыхъ Нимфъ, естьли я когда нибудь подобно какъ Зевесъ къ Данаи изобрѣлъ путь туда, гдѣ въ прозрачныхъ очкахъ бдитъ уподобляяся трясущемуся Акризю супругъ, и гдѣ свирѣпая мать, сабачка и надзирательница, на скупыхъ алчно огрызаются; то услыши молитву мою! подвергни ея сладкому своему игу; да по толь многимъ побѣдамъ, сею преславнѣйшею возвеличусь. Доселѣ еще ни воздыханія мои, ни пріятность лица, ни краснорѣчіе, ни блескъ злата, ниже острота Гомецы, нималѣйшія помощи даровать мнѣ не могли. Се отверзаются теперь хранилища сего кабинета; да испразднятъ всѣ мои добычи, и да воскурятся на олтарѣ твоемъ, многія безъ противуборствія похищенныя мною опахала, пріобрѣтенныя трудомъ и ласкою образы, смоченныя поцѣлуями письма, исторгнутыя и выпрошенныя отъ грудей цвѣты, и мертвыя мушки съ прекрасныхъ лицъ на знакъ побѣды полученныя. Все сіе да будетъ жертвою тебѣ, о Богиня! лишь

только чтобъ она была моя, чтобъ никакой не прїязненный рокъ насъ не разлучилъ, чтобъ она всегда душей моей владѣла, чтобъ сердце ея мнѣ одному подвластно было, и чтобъ чело мое пребывало во вѣки отъ слезъ и стенанїй нахальливаго солюбовника въ безопасности. Тогда предстоящїя предъ нимъ блѣдныя свѣщи, подобно свѣтильникамъ стоящимъ при великолѣпной гробницѣ, разсыпали свой мертвый свѣтъ по всей храминѣ. Всѣ хранилища испуская жалкое стенанїе отверзаются, изъ посвященнаго на жертву сокровища созидаются горы, горы многоразличнаго сооруженїя. Но Лордъ ожесточенный сердцемъ, возвавъ велегласно Арминду! Касается горамъ пламенемъ свѣщи, прошивящейся сожженїю.

О мучитель! не тако зарварствовала обагренная невинною кровїю десница Неронова, сокрушая пламенемъ великолѣпныя зданїя горделиваго Рима. Не тако терзались добродѣтельныя жены сея вселен-

денныя столицы, не тако горестно они рыдали, какъ возрыдали бы твои красавицы, увидя толь лютое сожженїе. Увы! коликимъ стремленїемъ слезъ потщились бы они утушать снѣдающее пламя.

Три краты казалось, что погасалъ огонь, пока занялась вся громада. . . Но жестокїй губитель испустилъ три вздоха . . . и вспыхнуло засохшее письмо, тогда вознесся черный дымъ, смѣшенный съ пламенемъ до облаковъ: письма нѣжныя сжимаются, трещатъ раскаленныя вздохи; кипятъ горкїя слезы; соединяются растопленныя ласкательства, съ чадомъ и влажнымъ пепломъ изчезаютъ страшныя клятвы, и все мгновенно на воздухъ улетаетъ. Множество прекрасныхъ лицъ, достойныхъ на прїятное зрѣлище потомкамъ, жить безконечныя въ золотѣ вѣки, смрадно тутъ погибаютъ, множество съ великимъ трудомъ похищенныхъ опахалъ, дорогою живописью украшенныхъ, и хитро по краямъ позлащенныхъ, разширяютъ въ

пламени пространную свою округлость, и уподобляются великому щиту Ахиллесову. Но что пользуетъ вамъ днесь, о вы дражайшія орудія! что пользуетъ вамъ днесь, что вы нѣкогда прекрасными руками, въ движеніе приводимыя надъ власами Лорда, сладкихъ раждали Зефировъ. Множество златописанныхъ лентъ, чувствуя приближеніе свирѣпаго огня, тщетно извиваются, уподобляясь змїи, віющейся подъ бременемъ набѣжавшаго колеса: уже то время о прекрасныя ленты миновалось! когда вы ликуя частію своею, вокругъ трости летали, или прицѣпленныя къ часамъ о нихъ радовались. Толь немилосердое было предшествіе, знаменующее дѣйствія преужасныя. Пожаромъ начинается сей страшный вечеръ, кровавое будетъ его окончаніе!

Но Лордъ не могъ его предузнать, оставляетъ онъ громады еще тлѣющагося пепла, и летитъ, побужденный пламеннымъ желаніемъ, на встрѣтеніе гостей,

да

да сядутъ они. Безконечно бы было повѣствованіе, естлибъ разглагольствовать о всѣхъ между ими привѣтствіяхъ и описывать обряды, съ коимъ пьется шеколадъ.

О ты, которая на тяжкихъ летучія мыши крилахъ возносишся; трагическія дѣйствія составляешь, и живешь по соизволенію книгопечатника. Ты, которая творишъ болѣ чудесъ, нежели твои Баярды, нудящія насъ тогда смѣятся, когда они плачутъ, или плакать когда они смѣются. Муза Розентальская, естьли не нужна ты днемъ Т . . . Естьли не вопіетъ къ тебѣ другій Виргилій, или не окруженна ты голодными пѣвцами, то оставь любезный свой Гемонъ, и въ Сѣверѣ равно приносятъ тебѣ жертвы. Сія страна еще болѣ удрученна мразомъ и жестокостію зимы, нежели та. Позволь мнѣ похитити парящей гнѣвъ Нѣмецкія Героини, и какъ Шварцъ мучитъ Виргилія, тако да мучится новая моя Дидона. Исторгни изъ устъ

устъ ея Трагическія волненія твоего театра, хладныя вздохи Банизы или Фредегунды, ярость Шаумигрема, тщетно любви ищущаго, и геройскій духъ Катона, клянущаго громъ и молнію! но и въ самомъ жесточайшемъ ея жарѣ, блюдись о Муза! да гремя, не погрѣшитъ она противъ Готшедовой Риторики!

Въ странѣ, въ которой Сѣверъ шумя хладными своими крилами, наноситъ жестокую зиму и громады снѣговъ, и во дни пріятныя весны, по полямъ разсѣеваетъ грады: простирается двумя равными крилами великолѣпное зданіе; въ единомъ обитаютъ повара, а въ другомъ повелѣваетъ управитель. Тамо нѣкогда Лордъ въ объятіяхъ повелительницы своей, рѣшилъ государственныя дѣла, или изъ позлащенныхъ чашъ вкушалъ кофе. Тамо нѣкогда бывалъ оный чертогъ любви, гдѣ управительща иногда повелѣвала; иногда совѣтовала, рѣшила, опредѣляла, издавала новыя законы и мятежи, крестьянъ усмиряла.

ла. Тамо видимы были великія и малыя чаши, кофейники, чайники. Сіи твари Гіероглифическія яко образы правосудія: всѣ они суть члены сего знаменитаго Синклита, имѣющія голосъ свой въ дѣлахъ правительства, и приборъ чайный бывалъ тамо иногда краснорѣчивѣе пронырливаго адвоката: но когда изречетъ управительша свой ненарушимый приговоръ, тогда всѣ восплящутъ чашки, возыграютъ рюмки, ударяясь другъ о друга, вертелъ въ пресвѣтломъ пламени востенаетъ! и самъ Лордъ признавъ оное за истинну, соглашается; цѣлуетъ ее, и удивляется великой ея премудрости.

Но уже превращенно было въ страшную пустыню сіе прекрасное мѣсто; не слышано въ немъ было ни журчанія, изъ челюстей кофейника происходящаго, ни сладкаго гласа бренчащихъ рюмокъ. Красавица провождала тамо въ тихомъ уединеніи скучныя свои дни. Нѣмая тишина, головная болѣзнь, и мрачная задумчивость

обла-

обладали первыя сосудами, а другія ею. Уже двѣ седьмицы обладаемая досадою, угрызаема лютою тоскою, сѣдитъ она не видая любезнаго Лорда въ хладныхъ Анниныхъ рукахъ, и всечасныя испускаетъ вздохи; уже двѣ седьмицы обращенныя злою горестію во многія вѣки, не раздается тутъ похвала ея притоворамъ, ни звукъ жаркихъ поцѣлуевъ. До сего еще умѣряла надежда, жестокость ея болѣзни; но днесь гнѣвъ и ревность изтребляетъ все разсужденіе, плѣнили сердца ея чувства. О мучительная любовь! къ чему не приведетъ ты женщинъ? иногда хощетъ она тронуть слезами и видомъ милосердія просящимъ; иногда усмотрѣвъ въ зеркалѣ сумнительную силу красоты своей, тщится помощію румянъ учинить то, чего естественныя прелести не удобны; а днесь узрѣвъ она Арминду, и лишась всего упованія, отвергаетъ всѣ тщетныя хитрости, и единое мщеніе и ярость питаетъ въ прекрасной своей груди.

Анна,

Анна, вопіетъ она, увы! не видишь ли ты двадесять позлащенныхъ колесницъ, стремящихся на пространный дворъ, и обремененныхъ веселыми гостями! Въ торжественномъ свѣтѣ ликуютъ благовонныя чертоги; и разпростертыя двери, жадно входящихъ принимаютъ: зри коль гордеаиво и прекрасно стоятъ у каждыхъ дверей служители! зри, какъ на пудреныя ихъ власы и на раменахъ разноцвѣтныя ленты развѣваются! всѣ ожидаютъ, слѣдуя повелѣнію и собственному любопытству пришествія Богинина! И Лордъ, самъ Лордъ, Анна! яко прикованный у дверей бдитъ! а сюда и не взглянетъ! Увы и не взглянетъ онъ сюда? . . . Колико часовъ простаивалъ онъ иногда, приложивъ къ устамъ своимъ перстъ, и ожидалъ, яко на стражи, подобно бѣдному челобитчику; пока явлюся я предъ окномъ своимъ; и хладнымъ соотвѣтствованіемъ награжу посылаемое отъ него цѣлованіе! тогда любезная Анна! владычествовала я и гордо взирала на него, твердящаго

щаго прошенія и клятвы, и съ Мопсомъ моимъ предъ стопами моими пресмыкающегося. За единый только ласковый взглядъ, текли сюда великія сокровища. Сей столикъ, сіи кабинеты, не могли уже вмѣщать безмѣрнаго богатства. Но чьи не нарушимыя клятвы! . . . Не вѣрныя! другія очи, другая красота тебя оковала, ты воздыхаешь о иной, минулися всѣ мои счастливыя минуты! Возри дражайшая Анна! на скорбь мою! ты видишь причиненный мнѣ стыдъ и поношеніе! сжалься надо мною и потщись помогать другу своему. Пусть буду я измѣнникомъ забвѣнна, лишь только бы мщеніе мое его постигло! да обладаетъ гнѣвъ и ревность всѣми здѣсь находящимися Лордами и госпожами, и содружба ихъ да преобратится въ вѣчную вражду, да прервутся всѣ струны, когда сія юная Богиня танцовать пойдетъ или да ниспадутъ всѣ цвѣты въ тупѣе ея насажденныя! да будутъ въ смѣхъ и уничиженіе власы въ любленнаго Лорда; и да померкнетъ зеркало, когда онъ тѣнью

сво-

своею похощетъ любоваться! да сокрушатся отъ танцующихъ чашки, рюмки и всѣ скудельные сосуды; и естьли не прольется кровь, то да потекутъ рѣки различнаго вина! да помрачится все сребро; всѣ одежды да преисполнятся пятенъ; и да расторгнутъ вздохи, слезы, ревнїе, и ужасъ вредную сїю забаву!

Анна внимая сїи страшныя заклинанїя, беретъ блѣдную руку разгнѣванныя госпожи своей, и преисполненная размышленїемъ опускаетъ она три краты свои взоры, потираетъ свое чело, и три краты опять ихъ къ Небу воздѣваетъ: потомъ устремивъ на Управительшу не подвижныя свои зѣницы, рекла: не сѣтуй! справедливое отмщенїе милосердыхъ Боговъ, всегда невѣрности послѣдуетъ. Въ протчемъ уповай на меня! я, или сама погибну, или сей день, день назначеный для забавы, обратится въ ужасъ и стенанїе! хотя не знаемы мнѣ ни сила травъ, ни чудотворныя заговоры, ниже могущество

круга, чародѣйскимъ жезломъ начертаннаго; но чего не возможетъ Анна, то да учинитъ премудрая Фея! Отъ слова происходящаго изъ устъ ея подвигнется основанїе земли, и сами небеса поколеблются! Вѣрь, вѣрь ученїю матерей и престарелыхъ нянекъ! старость никогда обманомъ не помраченна. Сїя Фея отмститъ за тебя; власть ея безконечна.

Тако она. Управительша похваляетъ благое Аннино намѣренїе; а сїя премудрая жена мгновенно шествуетъ къ Пиѳической своей Сивиллѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ IIIя.

СОДЕРЖАНІЕ III ПѢСНИ.

Въ сей главѣ описуется развалившееся зданіе стараго замка, и гнусная хижина, вѣ которой обитаетъ удрученная лѣтами, и согбенная старостію гадательница на кофе, Анна устрашаясь, входитъ кь волшебницѣ вѣ хижину, жалуется на Лорда, и проситъ о поданіи помощи госпожѣ ея. Волшебница обѣщевается мстить за Арминду, смотритъ на кофе, машетъ жезломъ своимъ по воздуху, призываетъ духовъ, оныя повинуяся являются предъ нею, а услышавъ повелѣніе съ ужаснымъ воплемъ отлѣтаютъ для исполненія онаго.

)o(

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ IIIя.

Въ дали на дикой и не приступной горѣ, лежитъ подобно ветхому заволхвованному замку, развалившееся и густымъ мхомъ покрытое зданїе. Окрестъ его стоятъ лишенныя листвїя тысящелѣтныя пустыя дубы, и съ крутизны наклоненныя сопротивляются силѣ вѣтровъ и бури. Засохшїя вершины висятъ надъ долинами угрожающе паденїемъ, и отъ мертваго кореня, кажется будто простираются даже до бездны естества. Путешественникъ бѣжитъ отъ сея страшныя пустыни, и съ трепетомъ изъ далека взираетъ на опасныя развалины, еще висящихъ, и разсыпанныхъ уже стѣнъ. Двѣ башни, до половины отъ древности низпадшїя, и ихъ чудесныя стѣны бурею поврежденныя, возносятъ еще надъ сею грома-

мадою слабыя и поросшія зеленымъ кустарникомъ свои остатки. Прежде бывало тутъ великолѣпное зданіе, но теперь остался только видъ и образъ его беспорядочной! Тамо обитали прародители Санховы, когда еще право крѣпкихъ мышцъ истреблено не было, тамо они подобно Орламъ, питались силою и грабительствомъ. Обнажали проходящихъ, погубляли села и деревни, собирали грѣхъ и злато, и наслѣдникамъ своимъ дворянство предуготовляли. Но днесь преданы уже вѣчному забвенію всѣ ихъ храбрыя подвиги, и едва одѣянный мхомъ, и кроющій истлѣвшія кости камень, можетъ показать знаменіе свѣту герба. Хладная смерть сомкнула на всегда ихъ очи, и сей ихъ славы замокъ повергло время на ихъ трупы: единыя только башни обезображены, гербовъ упраздненны, и всея ихъ гордости лишенныя ждутъ еще послѣдняго своего разрушенія. Уже никогда, зноемъ лѣтнимъ сожженный герой, не изыдетъ съ побѣдоносным своимъ воинствомъ,

вомъ, изъ вратъ его, и не ограбитъ путешествующихъ.

Окрестъ сея громады, есть чрезъ темную глубину простирающуюся даже до сердца земли, путь трудный и неудобопроходимый. Тамо сверкаютъ часто клады, часто собираются черныя враны и совы, и нелѣпо кричатъ тамо предвозвѣщающія свои пѣсни. Тамо скитаются лютыя псы, гремятъ среди нощи ужасными своими цѣпями. Путешественникъ внимая сіе устрашеннымъ слухомъ не дерзаетъ приближитися къ горѣ, удаляется, творитъ молитву, и троекратно ограждается крестомъ!

При подошвѣ сея горы, среди дремучаго лѣса обитаетъ, подобно сѣдымъ пустынникамъ удаляющимся градскихъ пороковъ, отъ коихъ спасаютъ ихъ лѣта, въ гнусной хижинѣ, покровенной истлѣвшею соломою, сія премудрая жена. Престарѣлыя дубы простираютъ надъ дрожа-

жащимъ ея домомъ густую тѣнь, яко темноту есенной нощи. Листвїя ихъ шумятъ, подобно какъ бурнымъ вѣтромъ въ тихую вешною погоду встревоженныя. Съ вершины горы ударяютъ пѣнящїяся источники, какъ горделивыя волны морскїя, бїющїяся о мшистыя камни, и разливаются по лѣсамъ.

Всѣ мечтательныя духи, благовѣрнымъ заклинанїемъ изъ града гонимыя, отлетаютъ въ сїи темныя лѣса, и въ нихъ протверживаютъ свои искусства и должности. Иной вообразѣ огненнаго Дракона, мчится разсѣкая воздухъ, другой подобно жерновамъ, обращается на утомленной ногѣ путешественника, иной гоняясь за черными жуками, причиняетъ не будучи зримъ, въ слухѣ его визгъ, другїя высосая изъ влажныя земли пары, и сѣрныя частицы, одѣваются дымомъ и облаками, и мещутъ ужасныя громы; а нѣкоторыя преисполнившись отъ почерпанїя воздуха вѣтрами, изъ распухлыхъ своихъ

щокъ; низпускаютъ въ долины страшныя бури.

Анна трепещетъ, продираяся сквозь густую тѣнь и лучи блѣднаго огня, пляшутъ ноги ея предъ устрашенными ея очами, и духовъ прогоняетъ она заклинанїемъ, естьли не можетъ прогнать молитвою. И се входитъ она въ храмину, гдѣ престарѣлая седитъ Фея, наклоненная оныя храмины кровля, угрожая разрушенїемъ, опирается на подставленныя во многихъ мѣстахъ подпоры, малыя четвероугольники, ожелтѣвшїя отъ куренїя, впускаютъ въ нее слабый свѣтъ полуденныхъ лучей. Одесную стоитъ прислоненной къ мрачной стѣнѣ, и жалующїйся на ветхость ногъ своихъ столъ, къ землѣ уклоняющїйся. Близь его страждетъ поврежденная движенїемъ и долголѣтїемъ скамья, которая лишившись жестокостїю гибельнаго времени, четвертыя ноги, касается только тремя изрытому полу. Тутъ въ печальномъ величествѣ предсѣдитъ могу:

тущая Сивилла: дѣсница ея обремененна книгою, а носъ очками. Погруженныя въ главу мутныя ея очи, окружаетъ багровая краска, и бразды, запущенныя пашни, покрываютъ желтоватое ея чело. Трепещуща таскаетъ она прилипшую къ костямъ ее плоть, и гору на хрѣбтѣ своемъ, когда на двухъ клюкахъ по чертогу пѣшешествуетъ. Сто чудесныхъ книгъ, дѣла наиславнѣйшихъ волхвовъ отъ Гермеса даже до Фауста въ повиновенiи предлежатъ ей.

Анна сжимаетъ руки, и хладный потъ разливается по всѣмъ ея членамъ; но ободрившись останавливается и глаголетъ, а старуха пережовываетъ ея слова: О сильнѣйшая изъ всѣхъ премудрыхъ женъ! равно и любезная и страшная! ты которая часто и бури причиняешь, и врачуешь немощи наши! Царица, которая единымъ словомъ, единымъ только прикосновенiемъ къ скипетру своему, можешь обратить теченiе звѣздъ, и телѣгу опровер-

гнуть, которая единыхъ отъ скуки избавляя, къ другимъ ихъ посылаешь; останавливаешь стремленіе рѣкъ, и изъ бездны въ полунощномъ ужасѣ, мертвыя тѣни изводишь! О! естьли кто изъ смертныхъ почитая не сумнѣнно жезлъ твой вѣритъ тому, что вѣщаетъ П***, или чему смиренныя научаютъ мамки; естьли кто поборствуя по тебѣ отъ еретиковъ претерпѣвая поношеніе, страшится въ день домовова, а въ нощи налягающія на насъ тяжкія тѣни; естьли кто дерзалъ когда нибудь защищать почтенный твой народъ, и ополчатся заблагочинныхъ женъ, парящихъ на крилахъ вѣника; я то есмь; я, которая до днесь еще вѣры благочестивыхъ твоихъ предковъ не нарушала; я то есмь; . . . А паче госпожа моя! . . . Но увы! . . . Бѣдная госпожа! . . . Когда умираетъ супругъ, послѣдующій ему, легко можетъ осушать текущія изъ очей нашихъ слезы. По лишеніи его исторгаемъ мы власы свои, облачаемся съ тяжкимъ стенаніемъ въ черныя одежды, и подолжно-

жности удрученныхъ горестїю вдовъ, бьемъ нѣжныя свои груди; отираемъ слѣдуя добродѣтельнымъ женамъ глаза, да удобнѣе платкомъ закроемъ слезы, которыя не льются; все творимъ угождая благопристойности, доколѣ обыкновенїе недозволяетъ намъ вольности смѣятся, шутить и забыть мертвеца, которой намъ и въ живыхъ никогда любезенъ не былъ. Но, о прежесточайшїя болѣзни! когда мы воздыхая подъ игомъ супружества, лишаемся всѣхъ утѣхъ, и будучи женами, бѣдными вдовами бываемъ. Когда вѣроломной любовникъ, приносимыя прежде намъ стенанїя и дары, обратитъ на олтари чуждыя. Вящщаго достоинъ онъ проклятїя, нежели воспа, когда поминувшей болѣзни, въ первой разъ въ зеркало на себя взираемъ. Се судьбина госпожи моей! Се жестокїя ея обстоятельства! помысли ты, помысли коль болѣзненно и несносно ей! кто впредь принесетъ жертву уборному ея столику, упраздненному отъ даровъ Лордовыхъ. Кто впредь, когда

да скорбь и время лишитъ ея цвѣтущихъ прелестей, повергнется къ ногамъ тѣни, кромѣ Прети, ея сабачки? Но она предпріяла позабыть Лорда; . . . гнѣвъ, гнѣвъ тому притчиною, что уже клялась она въ досаду ему любить своего мужа! Книгамъ посвящаетъ она тотъ столъ, который прежде игрѣ посвященъ былъ; и для препровожденія горестныхъ часовъ, хощетъ уже и Библію читать. Единственно для того только не покидаетъ она еще мира, что желаетъ силою не постижимыя твоея власти, зрѣть свое отмщеніе, и потомъ на всегда простится съ свѣтомъ. Тогда рука моя умножать красоты ея не будетъ уже на тупѣе, ни грудь насаждать не увядающими цвѣтами. Двадесять съ благовонными мастьми сосудовъ растопятся въ свирѣпомъ огнѣ, и преплавленныя въ свѣтильники отнесутся въ храмъ молитвы.

Естьли ты когда нибудь, въ просящей благолосвенія твоего домъ, громады денегъ

негъ низпосылала, или масломъ его изобильствовала: естьли ты когда нибудь невѣрныхъ, Легїонами блохъ терзала, или женщину ослѣпила, или корову ископытила; то внемли скоро оному ея прошенїю! Не хощетъ она грозы ужаснымъ громомъ и молнїи тревожущей и поражающей живущихъ на земли. Раздоровъ, не въ разумѣнїи и мятежей отъ тебя она испрашиваетъ. Сотвори, о премудрая Фея! да вздѣнется одежда не къ лицу, или пучокъ цвѣтовъ да сокрушится, отжени пудру отъ кичливаго тупея, или да погибнутъ и попрутся ногами изъ ушей камни, опахалы, и протчїя наряды; да возсмердятъ раны, булавками произведенныя, да почернѣютъ тѣла опахалами избїенныя, и да прїйдутъ обморки, головныя болѣзни и стенанїя ревностїю причиненныя! порази танцовщика во время летанїя его ногъ, колотьемъ въ легкое, и музыканта, когда скорыя его руки по струнамъ преходятъ, жестокою въ персты его судорогою.

Тако

Тако она, старуха пріявъ ее за руку отводитъ въ уголъ своего чертога, и ставитъ противъ темныя стѣны. Тамо повелѣвъ ей устремитъ взоры въ кофейникъ, помаваетъ жезломъ своимъ, и говоритъ: что ты видишь Анна?

На златыхъ столпахъ, отвѣтствуетъ она, начертанный Лабиринтами столъ, и на немъ книгу, книгу судьбины отверстую дыханіемъ вѣтра. О коль пресвѣтло шествуетъ Венера! . . . Но Луна. . . . О праведныя боги! Луна восходитъ изъ волнъ морскихъ, багряна, яко кровь, и одѣянна бурею! . . . . Истинно такъ! говоритъ Фея; страшенъ, страшенъ будетъ день сей . . . Но слѣдуй мнѣ! скоро узришь ты власть жезла моего! . . . . И се идутъ обѣ . . . Но ты, ты, которая препровождала меня сюда чрезъ всѣ ужасы нощи распростертыя въ темнотѣ густыхъ лѣсовъ, гдѣ Эолъ крѣпкими своими мышцами, надменное чрево гнѣтущій, освобождается вѣтровъ и въ вих-

вихряхъ разсыпаетъ ихъ повсюду, Муза! пріиди, внемли еще заклинаніямъ Феи, и зри забавное ея воинство, и земныхъ Пигмѣевъ.

Троекратно возмахнувъ она жезломъ своимъ, начертаваетъ на сухой землѣ три круга, и произнося таинственныя реченія въ нихъ входитъ; по томъ громогласно вопіетъ. О! вы безъимянныя духи Кобольды, Алпы, Арлауны, услышите повелѣніе мое и предстаните предъ меня! Духи повинуются; и подобно какъ въ изобильную осень, отъ Сѣверныхъ вѣтровъ осыпаются съ древесъ листвія, такъ бесчисленно они снизходятъ и помрачаютъ свѣтъ, яко густая пыль среди лѣта бурею въ вихряхъ носимая.

Муза, повѣдай мнѣ имена ихъ! скажи кто изъ нихъ прежде, и кто послѣ прибылъ изъ дремучаго лѣса? На предъ приходитъ Умвріилъ, могущій Гномъ. Ему принадлежитъ полнощь, въ которую онъ

иног-

иногда ужасаетъ Героевъ, иногда и нянекъ устрашаетъ: воздымаются ихъ власы, когда погребенныя въ одрѣ ощущаютъ они и надъ собою его летающаго, и скребущаго въ туфляхъ, или съ ужаснымъ громомъ снизходящаго съ лѣсницы, или когда онъ мучимъ судорогою и чревоболїемъ, разгнѣванный опровергаетъ столы и стулья: все падетъ предъ сильною его десницею! Ни молитвы, ни огражденїе крестомъ не могутъ тогда изгнать сего духа; и сїя страшная нощь продолжительнѣе седьми нощей бываетъ. Онъ и тебѣ о Карлъ супостатствовалъ тогда, когда трепетали отъ тебя Африканскїя брега, онъ воздвигъ тогда ужасную бурю, потопилъ корабли твои, и Алжиръ избавилъ отъ разоренїя.

Понемъ исходитъ Ургонъ. Сей въ неизчетныя виды преобращаетъ легкое свое тѣло. Самыя древнѣйшїи народы его еще почитали. Нарвяне созидали олтари ему; имъ давалъ онъ власть, изъ человѣка

вѣка превращатся въ волка, и въ сей страшной кожѣ странствовать по лѣсамъ. Но нынѣ, чего непремѣняетъ время? нынѣ учинился онъ благонравнѣе и оставя страшныя измѣненія забавляется только съ госпожами, или съ младенцами играетъ, иногда осязаетъ хладною рукою лицо спящія кухарки, иногда совлекаетъ одѣялы, или свѣщу погашаетъ, часто развеселившись, осыпаетъ темныя власы юной красавицы подозрителнымъ пухомъ; часто разрушаетъ ея тупѣ, мнетъ одежды, и къ совершенію дерзости, отыскиваетъ часто приправленныя постели.

Тысяща другихъ духовъ послѣдуетъ имъ. Всѣ молчатъ, всѣ къ вниманію приклоняютъ слухъ, а Фея продолжаетъ рѣчь. Духи! я требую отъ васъ ополченія ко брани. Уже и такъ долго въ презрителной праздности устрашась вы заклятія изреченнаго бѣднымъ старцемъ, скрываетесь въ лѣсахъ не проходимыхъ, въ стыдѣ; въ рабствѣ, въ безславномъ покоѣ, въ

пустынѣ препровождаете всѣ лутчїя свои лѣта, и обитаете во уединенїй подобно несмысленнымъ Картрежскимъ монахамъ. Какая слава въ томъ, что вы иногда между темнаго дубоваго листвїя бурными шумите крилами, и слабые не погоды причиняете? какая слава въ томъ, что вы устрашаете иногда путешественника, подергиваете его за рукавъ, или ногу его о камень препинаете, или хребетъ его отягчаете? Что сїе? препровожденїе времени! труды, безъ малѣйшїя утѣхи, славнѣе мнѣ сидѣтъ праздно протягатся и ловитъ мухъ. Увы! . . . погибаетъ уже вся ваша слава; смѣется уже юный Агистъ, когда старый дуракъ съ почтенїемъ васъ напоминаетъ! О духи! любезныя духи! воспряните отъ сна, идите на избавленїе почитающихъ васъ; идите не медленно, отмстите за меня, за нихъ и за себя! . . . Ты, о страшный Пигмеевъ полководецъ, мужественный Ургонъ, естьли еще ты себѣ подобенъ, яви ты днесь ужасную свою силу! . . . Когда необлыгаетъ меня

зер-

зеркало мое, то тяжкїя и злыя признаки предвѣщаетъ, что днесь оружїемъ побѣдятся грады, или плѣнится сердце; возгорится вражда между владѣющими Восточными Царями; или произыдутъ непорядки; поколеблетъ страшный раздоръ тайныя министерскїя кабинеты, или смутитъ въ бесѣдѣ веселящихся; погибнутъ днесь торжественныя лавры, или осквернится пучекъ цвѣтовъ; разторгнутъ владѣтели мирную тишину, или любезныя поссорятся, и естьли я гадать могу, то мнится мнѣ видѣть паденїе Парламентовъ, Евнуховъ, Перовъ, или постельныя сабачки! . . . Иди великїй Ургонъ, иди на помощь оскорбленныя жены; отмсти ея досаду; слава послѣдуетъ подвигу твоему, славу пожнутъ твои похвальныя труды! Иди! разрушъ побѣду: а естьли уже необходимо должно Лорду побѣдить, то хотя воздвигни вражду, злость, ревность и адскую ненависть!

Тако она. Шумящїя крилѣ духовъ, возглашаютъ ей торжественныя пѣсни, и мрачные полки съ ужаснымъ воплемъ отлѣтаютъ. Такъ летитъ стадо журавлей когда пущенный воздухъ, хладнымъ Сѣвернымъ вѣтромъ разсѣкается, изъ темныхъ облаковъ лїются непрерывныя дожди, и сочныя поля страждутъ отъ лютости мраза. Съ крикомъ, соединяясь они въ ряды, направляютъ полетъ свой къ теплымъ морямъ, и ихъ ратный строй ужасаетъ цѣлыя полки Пигмеевъ: раны и смерть предшествуетъ имъ, и на страшныхъ крилахъ нечаянно приносятся волны на брега спокойныя.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ПѢСНИ.

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ IVя.

СОДЕРЖАНІЕ IV ПѢСНИ.

Здѣсь представляются чертоги Лордовы, и въ залѣ приготовляются къ танцамъ. Сиръ Брантъ единъ изъ гостей Лордовыхъ представляетъ, чтобъ по жребію выбирать красавицъ, но Ѳалестра противорѣчитъ оному, а огромной Вестернъ согласясь съ Брантомъ рѣжутъ жребіи, кладутъ въ шляпу. Вестернъ вынимаетъ, и Арминда достается по жребію Сиръ Боастеру. Начинаются разныя танцы, духи посланныя отъ волщебницы, внушаютъ Героямъ производить другъ надъ другомъ разныя насмѣшки; а Героинямъ вселяютъ ревность.

)o(

Смерть сабачки

Пѣснь IVя.

Миръ тебѣ, о гордый домъ! я зрю тебя опять прекраснѣе нежели оставилъ: твоя твердая глава, возносится яко великолѣпный храмъ, и на крилахъ Зефира, слышу я парящїя гласы напряженныхъ, и восхищается слухъ мой звукомъ согласїя музыки. Уже оживленна обширная твоя зала сладчайшими тонами; и сердца повинуются согласїю, или воздыхаютъ, когда искусныя персты содрагаясь, бѣгаютъ по пространству нѣжныхъ тоновъ, или обагряются, когда твердыя яростной испускаютъ ревъ. Все изготовлено къ танцованїю, уже разспространяется кругъ, да танцующїя довольное имѣютъ мѣсто, и руки жадныя блѣднѣютъ.

Братъ

Брантъ выступаетъ на среду и глаголетъ Лорду: Милордъ, единое изъ двухъ: или насиліе, или жребій да опредѣлитъ счастіе съ кѣмъ танцовать кому! приступимъ къ выбору по образу Римлянъ, . . . Нравно ли тебѣ? . . . да каждой изловитъ себѣ красоту, и въ темнотѣ ея изловитъ: и да будетъ всякъ добычею своею доволенъ, и не дерзнетъ завидовать другому.

Всѣ красавицы, когда онъ умолкъ, хотятъ стыдится; всѣ опахалами помаваютъ, или благопристойности ради прикрываютъ сими щитами свои лица. Единая Ѳалестра не хощетъ притворствовать: все, что ни творится говоритъ она, творится по благоволенію нашему: Наше есть право опровергать и избирать! О единомъ взорѣ нашемъ все радуется, и отъ единаго непріятнаго взгляда падетъ предъ нами на колѣна мужъ, и усмиряется постельная сабачка! Что? . . . мущина дерзаетъ намъ предписывать законы? можетъ ли желать онъ владычества? мо-

жетъ ли онъ . . .? такъ пусть повелитъ намъ прежде увѣнчать себя! . . . пресмыкаться и быть покорнымъ, онъ долженъ! часто приносить намъ жертвы тайныя, и естьли хощетъ понравится, долженъ онъ почитать насъ Божествомъ своимъ; а когда не желаетъ онъ того, то пусть трепещетъ предъ тою сильною рукою, которой Небо судьбу его чела препоручило! все преклоняется предъ опахаломъ нашимъ; самъ любовникъ, сей обладатель нашего сердца, часто въ стихахъ воздыхающей, и часто у уборнаго столика мушки держащей, и почитатели кои услужнѣе рабовъ нашихъ, бдятъ при ломберномъ столѣ, и мужъ и служанка и попугай! Наше есть владычество! . . . и такъ оставь ты дерзское намѣреніе Сиръ! или не сѣтуй, когда мы употребимъ сіе сильное наше оружіе, и сіи побѣдоносныя опахалы.

Негнѣвайся, отвѣтствуетъ Сиръ Брантъ: я прошу, а не повелѣваю. . . позволь-

вольте хотя кинуть жребій. . . О! Лади! что лутче? . . . Вопіетъ не обузданный Вестернъ, и отъ походки ево трепещетъ полъ, и гремятъ острыя на сапогахъ бодцы. Никто не дерзаетъ ему явно противурѣчить, лишъ только внутренно многія воздыхаютъ, предая неизвѣстному жребію счастіе всего вечера и лѣпообразныхъ женщинъ.

Вестернъ рѣжетъ жребіи, начертаетъ на нихъ имяна красавицъ и рокъ танцовщиковъ, свертываетъ ихъ и скрываетъ въ шляпѣ. Многія тебѣ Арминда посвященныя вздохи раздаваясь въ воздухѣ обращаются въ щету! женщины терзаемы любопытствомъ ожидаютъ конца. Лота и Лади Брантъ, желаютъ въ прекрасную твою Лордъ руку предать себя и имяна свои! первая возсылаетъ о томъ молитвенныя къ Книдской Богинѣ взоры, а другая къ самому Лорду, и не будучи еще тѣмъ довольна, открываетъ сердце свое въ притворномъ смѣхѣ, и желаніе свое въ

шуткѣ выговариваетъ: бери, бери, любезный Лордъ счастливое имя! по семъ часѣ единое сердце будетъ получено; но сколько другихъ возрыдаетъ!

Се приближается минута! Вестернъ трясетъ шляпою, танцовщики извлекая жребiй воздыхаютъ, и сердца въ смущенной крови ихъ бiются. Уже подходитъ онъ къ Лорду. Тогда Ургонъ разширяетъ крылѣ свои, и подобно молнiи, опускается мгновенно въ шляпу. Санхо отъ блеснувшаго луча содрагается, и въ страхѣ влечетъ имѣющуюся уже въ рукахъ добычу, но тщетно! жребiй паки изъ жадныя руки падаетъ, и теряется въ Хаосѣ, гдѣ другiя дрожащiя въ смятенiи воздыхаютъ. Увы! иному опредѣленъ сей улущенный имъ жребiй! но Лордъ помраченный гордостiю, прiемлетъ несчастное заблаго полученное предзнаменованiе, и мало размысливъ вторично извлекаетъ. О колико будетъ онъ клясть свою долю, когда тщетно ища желаемаго имяни для прочтенiя су-

судьбы своей, преисполненный надеждою, идетъ къ свѣтильнику, и зритъ вмѣсто Арминды имя Лади Брантъ! едва только возвелъ онъ смутныя на жребiй свои очи, какъ Сиръ Боастеръ восплескавъ руками, и кичливо на знакъ своего преимущества, окрестъ себя озираясь, въ восторгѣ возопiялъ: Милордъ Се мой жребiй! я, я благополучнѣйшiй буду танцовать съ Арминдою.

Молите вы всесильныхъ Боговъ, оживляющихъ веселыя танцы, и дарующихъ крылiе ногамъ нашимъ, да днесь моимъ споспѣшествуютъ! Но тайно отъ женщинъ молитесь вы; да невозмнятъ они, что страхъ происходящiй отъ малаго моего въ танцованiи искуства принуждаетъ меня просить помощи боговъ! Тайно я сказалъ ? . . . Нѣтъ! . . . Толь велегласно пролiемъ молитвы наши, чтобъ въ громкомъ эхѣ соотвѣтствовалъ басъ, и пали всѣ предстоящiя столы! Естьли на свѣтѣ хотя единая Нимфа могущая меня изъ

изъ такта вывесть, меня, воспитаннаго во оружїи и возращеннаго въ танцахъ! Первенецъ изъ всѣхъ храбрыхъ сыновъ Сиръ Боастера, можетъ ли въ шпажномъ бою свирѣпаго врага, или въ танцахъ какой нибудь красавицы страшится? Тако кичится первородный сынъ Боастеровъ, подобно Аяксу, сравненному съ нимъ удачнымъ жребїемъ. Идетъ первый въ танцы и послѣдний на брань.

И се къ Арминдѣ онъ приближается. Сто любви божковъ окрестъ сея полубогини; и куда она ни взглянетъ, горятъ сердца отъ прелестнаго ея взора. Сребромъ блестящей флеръ, прикрываетъ нѣжныя ея члены, и будто не нарочно, между складокъ являлъ златыя кружева, нижнюю одежду украшающїя. Грудь ея вмѣщенна въ горящее злато вострконечное къ поясу, подъ которымъ въ сторонѣ являются висящїя часы. Темнорусыя и алою лѣнтою перевязанныя власы, плаваютъ по бѣлой ея кожѣ, и виски Грацїями

при-

причесанныя ликуютъ надъ ухомъ, лучь бралiантовой звѣзды отмещущимъ. Благополучная Донна покоится на лонѣ ея, и завидуемая всѣми, то поцѣлуи ея прiемлетъ, то къ грудямъ ея прижимается. Уже подаетъ Муза знакъ къ начинанiю, и Сиръ Боастеръ предъ нею предстоитъ. Съ трудомъ изгибается сей Исполинъ и требуетъ ея руки. Преисполненъ метафорами онъ подходитъ; но всѣ они въ оцепенѣвшихъ устахъ его замираютъ, и привѣтствiе его изчезло, какъ скоро взоръ Арминдинъ встретился ему.

Уже танцуетъ Богиня любви. Съ величавой осанкой, поддерживаетъ рука ея полы одежды; и какъ летаетъ она, такъ и риза ея летаетъ, и нечувствуетъ не прикосновенный полъ легкiя ноги ея. Всѣ молчатъ и не смѣютъ дышать, доколѣ радостное восклицанiе непрервало тишины. Несравненно, несравненно Арминда танцуетъ! тогда опамятовшись госпожи кашляютъ, и опахалами машутся. Но колѣ

бѣд-

бѣдно танцуетъ ея товарищъ! гдѣ хвастоство! куда сокрылося прореченное искусство! тягостно и безъ такта какъ будто въ огромныхъ сапогахъ ступаетъ Сиръ Боастеръ. Рука его будто изсохшая, или переломленная виситъ; нога удрученная тягостію тучнаго его тѣла, и когда хочетъ ея поднять, силится, напрягается, и коверкаетъ свой образъ. Угрозительно простираетъ онъ руку, къ танцовщицѣ, Арминда ощущаетъ претягостное бремя, силяся подымать напряженную его мышцу. Тако пресмыкается Сиръ Боастеръ, подобно наученному медвѣдю; и представляющейся изъ тѣни его Исполинъ, иногда предшествуетъ, иногда послѣдуетъ ему.

Вестернъ, котораго невидимо трогаетъ теперь не милосердый Ургонъ, примѣтя тѣму прыгающую по стѣнѣ, восплескалъ руками, осклябился и тако возопіялъ, какое страшилище! какая преужасная тѣнь! . . . Огромна, какъ Альпійская го-

гора! . . . А носъ . . . Какая обширность? . . . Толще и утробы Сиръ Бранта! я застрѣлить себя позволю, естьли онъ не болѣе той мѣтки, въ которую я обыкновенно стрѣляю!

Кренцъ извлекши изъ чернаго хранилища увеличивательное стекло, вооружаетъ имъ десное свое око, и дабы точно разсмотрѣть танцующаго возвышаетъ пригорки обитающія на раменахъ его, и потомъ рекъ: Толи танцы? О Сиръ Боастеръ! чтожъ называешь ты хожденіемъ? тактъ, тактъ наблюдай . . . О! ты вспрыгнулъ! Самъ л'Еклеръ не возлетитъ тебя выше! Вестернъ . . . для имяни Боговъ! примѣть его ноги! . . . Что великаго труда стоитъ тебѣ Сиръ Боастеръ танцованіе, то и самыя враги твои засвидѣтельствуютъ! . . . Но, о проклятыя башмаки! какъ они воздыхаютъ и стонутъ! . . . не давай ему руки своей прекрасная Арминда: изломитъ, изломитъ онъ нѣжную твою ручку! . . . О! пер-

первородный изъ сыновъ Сиръ Воастера, прекраснѣе тебя и словъ непротанцуетъ.

Тако онъ. Но время наказуетъ дерскую остроту смертныхъ, и кто осмѣхаетъ другихъ, тотъ падетъ, и самъ осмѣянъ бываетъ. Кренцъ слѣдуя своему жребію, подходитъ улыбнувшись къ Ѳалестрѣ, подаетъ ей хитро свою десницу, и хитро она ее пріемлетъ. Величаво стоитъ сія красавица, и пламенными на всѣ страны поводитъ очами; атласная лента купно съ перевязанными ею власами летаетъ на крылахъ Зефира; шлемъ или шляпа, на которой укрѣпленное великимъ алмазомъ перо, наклоняется или возносится, удручаетъ ея локаны, и половину уха скрываетъ; мужеская одежда отъ плечь прикрываетъ бѣлое паче снѣга ея тѣло, и отъ бедръ во множествѣ складокъ простирающееся женское одѣяніе, украткою являетъ иногда прелестную ея ногу. Нѣжныя кружева гордятся на грудяхъ ея, и черная лента сообщая всему ея зраку

прі-

пріятную тѣнь, покрываетъ ея выю. Рукавицы, на крѣпкія мужественныя руки сотворенныя, ликуютъ ощущая мягкость руки въ нихъ вмѣщенной. Такъ иногда хаживали бранныя Амазонки, скрывая женщину въ одеждѣ храбраго мущины. Плавно обращается она во кругъ своего танцовщика, трясетъ движеніемъ легкимъ гордое перо, и одежда ея возвѣвается. Но Кренцъ ея достоинъ; проворно летаетъ онъ во кругъ красавицы, и устыжаетъ господина Боастера, высокородное племя, и всѣхъ знаменитыхъ сыновъ ево!

Ургонъ сіе видитъ, и гнѣвается, что Вестервъ не смѣется; того ради устыдить на смѣшника, вымышляетъ зловредное неистовство. Три краты внушаетъ Боастеру. Ободрись мужественный герой, воспріими мужественное сердце, и поверги танцующаго на полъ, да будетъ сей ругатель самъ въ смѣхъ и поношеніе. Три краты Боастеръ хощетъ сіе исполнить; но мягкое его сердце ему не дозволяетъ.

Уже подвигаетъ онъ три краты опасную ногу, и трикраты одумавшись удерживается отъ исполненія. Не терпѣливый духъ зря въ тщету преобращаемыя его намѣреніи, разширяетъ Ефирическія свои крылѣ, ударяетъ ими по шляпѣ танцующаго, и шляпа стремительно упадаетъ. Кренцъ, въ теченіи своемъ изгибается, теряетъ равновѣсіе, и поскользнувшись десною ногою, шатаяся падаетъ, и воздыхая катается въ пыли; тако при Термопильскомъ проходѣ валяется съ щитомъ своимъ храпящей и борющейся съ смертію Фраортъ. Кто подастъ ему руку помощи? кто потужитъ объ немъ? Никто! паденіе его вздохомъ препровождается и храмина смѣхомъ наполняется. Боастеръ торжествуетъ, и велегласно вопіетъ. Ни л'Еклеръ, тебѣ не уподобится! внутренняя его отъ смѣха содрагается, и трепещетъ весь сей Исполинъ. Но Ѳалестра еще танцуетъ, повелительно озирается всюды, и сладкимъ гласомъ вызываетъ новаго танцовщика. Мгновенно вылетаетъ Лордъ танцо-

ватъ

вать вмѣсто тебя несчастный Кренцъ, и уже въ исправномъ тактѣ плаваетъ легкая его нога.

Но Лади Брантъ злобствуя, что онъ безъ позволенія и безъ должнаго уклоненія главы ея оставилъ, рекла смиренной Лотѣ. Лота! мнѣ кажется онъ въ люблевъ, возри какъ летаютъ его ноги! но не дремалъ ли онъ при насъ? развѣ мы не можемъ также его удовольствовать? между нами и его красавицею, мнится мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго различія; развѣ перо, или одежда Амазонская даетъ ей предъ нами преимущество. И поистиннѣ, часто иныхъ ленты, перо на шляпѣ, и странныя наряды болѣ воспламеняютъ, нежели преисполненныя огня глаза прекрасныя! Не съ такимъ ли намѣреніемъ избрала она мужеское одѣяніе, чтобъ скрыть недостатокъ красоты грудей ея? она суровою хощетъ быть! Суровою, не смѣшно ли? естьли такая дѣвушка хощетъ суровою казаться, которая въ мущину преображается, когдабъ не желала она нравится,

для чего бы ей одной танцовать, воспле-щемъ, она хощетъ что бы удивлялись ей, такъ она; а Лота тяжкія испускаетъ вздохи. Между тѣмъ Арминда взирая на летающаго Лорда, ощущаетъ разливающееся по всѣмъ ея жиламъ удовольствіе. Нечаянный вздохъ исторгается изъ глубины ея сердца, и подобно громовому удару, раздается по чертогу; Донна его слышитъ, взираетъ на нее, и повторяетъ ея вздохъ.

Но се приближается къ ней, Лордъ! приведенный Ѳалестрою, принимаетъ онъ Арминдину руку, и Амазонка удаляется, всѣ окрестъ стоящія жадными очами на нихъ взираютъ. Вестернъ оцепенѣвъ, и въ восторгѣ тако танцующему удивляется: чортъ меня возми! . . . взгляните на него! . . . Лордъ! ты какъ врагъ танцуешь, пусть дьяволъ поберетъ всѣхъ дворянъ, кои не танцуютъ! . . . Не такъ ли нога его ходитъ какъ павлиная? прекраснѣе онъ носится какъ олень въ дубравахъ, и

вели-

величавѣе, какъ Шахъ. . . Нѣтъ, орапецъ! и самъ сатана того не здѣлаетъ, что ты теперь дѣлаешь!

На прекрасномъ челѣ Лади Брантъ, устыженной сугубымъ презрѣнїемъ, является грозная буря, и меркнетъ свѣтъ въ пламенныхъ ея очахъ, подобно приливу и отливу морскому, яростно возвышается и опускается ея грудь, и бурный вѣтръ опахаломъ наносимый, нимало уже кипящїя крови ея непрохлаждаетъ. Три краты воздѣваетъ она руку, чтобъ приманить къ себѣ смиреннаго ея Лорда, три краты намѣряется то учинить, но прежде хощетъ упасть въ обморокъ. Однако Лордъ предупреждаетъ оному, встрѣчаясь въ глазахъ ея. Между тѣмъ вздыхая Сиръ Брантъ вопїетъ къ ней. Любезная Лади! она вздохомъ соотвѣствуя, подаетъ ему руку и говоритъ: пары . . . Сиръ, ахъ! я очень стянута, на воздухъ! . . . Такъ она просипѣла, и выведена изъ зала.

Красва паче розы выходитъ теперь на среду, давъ Строому руку кроткая Лота; а первыя удаляются къ окну, гдѣ между тихими разговорами, или платкомъ, или опахаломъ прохлаждаются. Ургонъ съ досадою на то взираетъ, и не видимо шепчетъ въ ухо, стоящему близь себя Вестерну. Вестернъ! иди, и танцуй по Польски, но танцуй съ Арминдою. Вестернъ идетъ и проглаголалъ тако. Лордъ только Польской, и потомъ опять ея приведу къ тебѣ, но къ щастїю явилась Өалестра, всегда замысловата, всегда весела, все окрестъ ея оживотворенно, все играетъ и все лещаетъ во кругъ ея, часто самъ Богъ кровопролитныхъ браней изумленъ бываетъ, когда ополченная ея рука, сотворенная къ ношенїю опахала, мещетъ въ поляхъ громъ и молнїю, часто другїя жены трепещутъ, когда видятъ храбрую сїю Амазонку, парящую подобно молнїи, на быстромъ ея конѣ. Она беретъ Вестерна, а оскорбленный онымъ духъ, ударяетъ шумящими своими крилами по

тупѣ

ступѣ Лордовомъ, и пылью бѣлою осыпаетъ Арминдины власы.

И се испускаютъ сладкогремящїя гласы музыки, въ круговыя обращенїи прыгающїя такты, и оживляютъ танецъ Вихри завиваются; все летитъ; все сверкаетъ. Сапоги гремятъ, каблуки стонутъ и весь домъ трепещетъ. Между тѣмъ когда танцующїя схватився руками сугубо подъ ними обращаются. Входитъ Сиръ Брантъ, въ изумленїи останавливается онъ, и обширное поддерживая свое чрево, осклабляется. Но когда рѣзвая Ѳалестра еще сїи обращенїя возобновила, тогда рука Вестернова повергла ея шляпу, и подхватившая ее проворная Ѳалестра, не могла отъ паденїя спасти дражайшей ея прикрасы: ниспало кудрявое перо. Сїе увидя Сиръ Брантъ возопїялъ. Ѳалестра! Ѳалестра! колико опасныи сїи танцы, они погубляютъ шляпу, или сокрушаютъ дѣвическїя вѣнцы. Ѳалестра спокойно сїе

внимаетъ. Но не гордись шуткою своею Сиръ Брантъ! . . . Мгновенно она возвращается, подъемлетъ перо, и съ усмѣшкою паки къ шляпѣ его прикрѣпляетъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ Vя.

СОДЕРЖАНІЕ V ПѢСНИ.

Умолкаетъ музыка, и каждой герой съ своею героинею разглагольствуетъ. Потомъ начинаютъ вкушать разныя напитки, напиваются пьяны, и Кренцъ наклоняясь къ Лотѣ, начинаетъ многихъ злословить; а Арминда сѣдитъ, уединенна въ размышленіи, Лади Брантъ, сїя толстая женщина съ насмѣшкою посылаетъ Лорда къ Арминдѣ, чтобъ избавилъ ея отъ задумчивости, но духъ хранитель Арминды вступается за нее, оставляетъ тѣло сабачки, и явяся ей въ дремотѣ, утверждаетъ въ добродѣтели, напослѣдокъ вселяется опять въ Донну: коей и описуется родословіе. Сиръ-Строомъ увидя, что Арминда Донну лобызаетъ, завидуетъ ей; а ему послѣдуютъ, и всѣ герои. Между тѣмъ Донна прогнѣвляется и лаетъ. Вестернъ шутя сбросилъ ея

на полъ; а увидя, что она ушиблась, убѣгаетъ, и не примѣтя Сира Боастера и Бранта, поражаетъ ихъ и обливаетъ виномъ, которое они пить хотѣли.

)o(

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ V-я.

И се отрадное успокоенїе онѣмѣвшихъ и осипшихъ скрыпокъ позволяетъ израненымъ отъ игранїя перстамъ отдыхать, и танцующимъ съ новыми силами собратся. Въ торжественномъ молчанїи распростираетъ повсюды крылѣ свои глубокая тишина, и утомленный полъ болѣе не стонетъ. Раздѣленныя по жребїямъ Лорды съ ихъ подругами сѣдятъ и послѣднїя машутся опахалами, когда первыя табакъ принимаютъ. Но кто наконецъ разрушилъ сїю сладкую тишину? три служителя разрушили ея: и бури танцами и музыкою причиняемой, слѣдуетъ прїятное согласїе рюмокъ. Отверзаются двадесять источниковъ, и проливаютъ отъ изобильнаго поставца твои, О веселый сынъ любезныя Семелы, разно-

цвѣтныя дары. Кипитъ прозрачное Бургонское, стремяся изъ продолговатыхъ шей; разливается густой потокъ, твоего о Мадера, влажнаго вертограда; течетъ, шипя, и чистою струею хладной сокъ плода, созрѣвшаго на брегахъ престарѣлаго Рейна. Еще за пятьдесятъ плодоносныхъ жатвъ висѣлъ онъ, удручая и украшая свое древо, въ распухлыхъ гроздїяхъ навѣтвїяхъ его; и ставъ виномъ, днесь сосуды наполняетъ. Наконецъ расторгаетъ сей торжественный день страшную темницу бурнаго Шампанскаго, гдѣ оно заключенное въ смолѣ и узахъ дванадесятъ Олимпїадъ, тщетно воздыхало; съ трескомъ и громомъ мещетъ оно даже до Небесъ свою пробку, и ярясь въ полученной вольности раждаетъ бесчисленное множество пузырей, пѣнится, дымитъ, дождитъ, окрестъ сосуда пляшетъ, и ужасное еще шипѣнїе въ рюмкѣ производитъ. Тако съ мрачнымъ дымомъ и съ ужаснымъ трескомъ исходитъ изъ обширныхъ нѣдръ твоихъ вѣчно курящаяся Этна, въ нихъ спавшая и со

зрѣ

зрѣлая лава, которая изъ рыгнувшись изъ тебя, пламенною рукою опустошаетъ окрестъ лежащїя веси, робкїя долины стонутъ и поля испускаютъ тогда тяжкое стенанїе.

Тамо изъ позлащеннаго сребра причиняя тихое журчанїе, истекаетъ млеко миндальныхъ зеренъ, и желтоватый Аршадъ, жирною жидкостїю своею наполняетъ тонкїя сосуды. Три служителя разносятъ питїе, и руки жадныя простираются къ недонесеннымъ еще рюмкамъ; и наполовиномъ пути ихъ встрѣчаютъ дарованїе, велерѣчїя, и духъ остроты привезенные изъ семи государствъ обширныя земли, возобновляются теперь веселыя бесѣды. Опять прозябаютъ тѣ розы: кои цвѣли до танцовъ, и алыя ланиты блѣднѣютъ; а блѣдныя румянцемъ покрываются. Премѣняются зракомъ Лорды съ госпожами, первыя рдѣютъ, а послѣднїя простываютъ. Кренцъ первый начинаетъ разглагольствїе, Кренцъ сей дерзскїи насмѣшникъ, тремя прїемами отверзаетъ огром-

огромную свою табакерку, нюхаетъ табакъ, ея закрываетъ, и устроеваетъ предсказательное свое лице; потомъ наклоняется къ смиренной Лотѣ, ближней своей сосѣдкѣ, и собесѣдуетъ ей, уже глава съ главою спирается, и трудолюбивыя уста истощаютъ кроткое злословїе, напоминая многїя имена, и чуждыя пороки исчисляя. Всѣ гласы, альтъ, дискантъ, теноръ и басъ возвышаются; шумятъ опахалы, гремятъ табакерки, и рюмка съ рюмкою ударяются; такъ испуская дыханїе свое, Западной вѣтръ мало по малу увеличиваетъ волны морскїя, и совокупляя бразды жидкїя стихїи, ужасныя созидаетъ изъ водъ горы: кои бѣлѣясь сѣдыми вершинами стремятся и ударяютъ одна по другой въ брега Лузитанскїя, и вдругъ наносятъ въ страшномъ ревѣ препагубную бурю.

Единая Арминда погруженна въ молчанїе! отъ сѣдящаго близъ ея Сиръ-Строома; достизала и до ней дремота, сонъ и позеванїе; а сїя тишина унынїе ея питала.

тала. Помраченная тоскою имѣетъ она зракъ побѣдоносный, могущій влiять во всѣхъ подобострастiе. Прелестная задумчивость почти сомкнула ея очи, и прiятное размышленiе разливалось по прекрасному ея челу. Тако прельщаетъ насъ сладкая тишина, когда въ прiятныя вѣшнiя вечеры, растилаетъ она по пространому Небу темныя свои ризы; или лѣтняя нощь, когда и въ прохладныхъ кустарникахъ не находитъ путешественникъ отъ жаркаго зноя убѣжища. Не постоянныя Арминдины мысли, одни другiя прогоняютъ: не хощетъ она движенiя въ крови нарицать любовiю, но чувствуетъ; что отсудствiе Лордово тому виною, которой между тѣмъ бѣсѣдуетъ съ Лади Брантъ, шутитъ, и терзаетъ единую въ близи а другую издали. Но во все еще довольная Лади не можетъ такъ легко забыть причиненныя ей досады, какъ легко проходятъ обмороки. Еще съ прискорбностiю на поминаетъ она тѣ драгiя времена, когда по справедливости сказывали ей, что

она прекрасна, и коль часто прогоняетъ изъ мыслей своихъ вредное о четыредесяти лѣтахъ помышленіе, толь часто по отвѣту не ложнаго зеркала, становится двадесятью годами моложе. Но время, сей крылатый опустошитель, погубляетъ и Героевъ, и ихъ Стихотворцевъ, танцовщицъ, Сеяновъ, царства и прекрасныя лицы; Лади Брантъ была нѣкогда прелестна; но весна лица ее уже миновалась, и уступило мѣсто, приближившейся осени. Упали всѣ цвѣты на ослабѣвшихъ ея ланитахъ, и возрастъ осанистый во дняхъ ея супружества распростерся въ широту. Тщетно стягивалась она; обнаженная выя, перевисла чрезъ стѣсненныя латы наполняла всю въ нижъ пустоту. Но преблаженна еще она была, что морщины не умножали ея досады: ибо напряженная кожа едва могла разширенія тѣла выдерживать. Крылѣ простертыя отъ головнаго убору надъ обоими ея висками, порхали, когда отъ опахала происходящей вѣтръ побуждалъ ихъ къ летанію. Утылое

лое ея лице, для сокровенія веснушекъ, мушками испещренное уподоблялось полной лунѣ съ ея пятнами.

Милордъ, шуткою рекла она, какая вражда разлучила васъ съ Арминдою? Иди! . . . И скоро къ ней иди! . . . Конечно она послѣднѣе завѣщаніе уже сочиняетъ! Во уединеніи терзаяся досадою забавляется она задумчивостію, и тщетно Сиръ-Строомъ истощаетъ крѣпкія благовонія. Ничто не можетъ прогнать ея сна; все окрестъ ея дремлетъ. . . . Но такъ ли велѣрѣчива была она, когда ты разглагольствовалъ съ нею? . . . Между нами сказать, естлибъ я не такъ была скромна, то бы легко могла подумать, что пудро на челѣ ея принадлежитъ твоему тупѣю! Сіе поношеніе внимая духъ хранитель Арминдинъ, и будучи угрожаемъ опасностію проницаетъ во глубину ея души, и зритъ что помощъ его нужна ей. Мгновенно покидаетъ онъ тѣло звѣрское; и въ сію минуту обновляетъ въ вображеніи ея полуденное снови-

денїе. Атисъ предстоитъ предъ очами ея, и повторяетъ прилѣжному ея слуху, всѣ наставленїя; кои толь скоро изъ сердца ея истреблены стали. Всѣ свои силы прилагаетъ онъ къ возбужденїю ея добродѣтели, и скрывается опять въ свое тѣло; а съ нимъ и пятно пудренное изчезаетъ.

И се возбуждается Донна отъ продолжительнаго и смертнообразнаго своего сна; простирается къ нѣжнымъ Арминдинымъ персямъ, ласкается къ ней и цѣлуетъ ея въ уста. Тако имѣетъ право дерзновенно похищать то сабачка, что мужи за отмѣнной знакъ любви почитаютъ!

Но Донна была совершенная красота изъ всея псовыя природы. Глаза ея живы, подобно человѣческимъ, и кудрявыя уши прелестно лежали на благоустроенной ея главѣ, раздѣленной по поламъ на бѣлизну и Арапа: волна бѣлая покрывала ея тѣло; и по нѣжнымъ членамъ въ курчеватыхъ лока-

канахъ растилалися власы мягкїя, подобныя Персидскому шелку. Гишпанїя возрастила ея отца, произшедшаго отъ знаменитаго корени. Многїя дѣти сего почтеннаго племени приняты ко дворамъ, и только единую Донну, изъ всея толь преизящныя природы, Промыслъ щедрыя судбины принесъ въ хладной край нашего жилища, мать ея рожденная въ Болонїи, прошедъ не измѣримую обширность морей, была съ симъ Дономъ сопряженна, и отъ сего союза любви произошла на свѣтъ счастливая Донна.

Между тѣмъ когда крѣпкая дремота Арминдою обладала, терзался Сиръ Строномъ вымышляя шутку, и кровавой потъ отъ размыслительнаго труда происходящїй, орошалъ его члены. Уже шесть разъ онъ кашлянулъ; шесть разъ манжеты оправилъ, третїю рюмку выпилъ и дванадесятой разъ табаку понюхалъ; чревать шуткою не можетъ разрѣшится; но увидя Доннинъ поцѣлуй, чувствуетъ муки,

ки; потираетъ потныя длани, и разрѣшается. Прежде начертаетъ пріятный видъ на лицѣ своемъ, испускаетъ смѣхъ, яко предвѣстника, что шутку изрещи желаетъ; потомъ приближается къ Донне, оглаживаетъ ея уже влюбленную въ ласкателя, и зачинаетъ похвалу Арминдѣ, похваляя ея сабачку. Тако бѣдный челобитчикъ прежде разстилаетъ предъ служителемъ низкія поклоны; а потомъ уже предъ Его Превосходительствомъ рабскій пресмыкается.

Счастливый звѣрокъ! вѣщаетъ красноречивый Витій; кто не позавидуетъ покою твоему? гдѣ сей благополучный смертный, который бы толь деликатно опочивалъ какъ ты? ни Цесарь, ни Антоній! иной знаменитый вельможа презирая жизнь свою, счастія сего желаетъ; но тщетное его желаніе, тебя единаго любитъ твоя Богиня, тебя, о благополучный звѣрь, единаго! чего ни кто изъ превосходныхъ рыцарей похитить не осмѣлится, тебѣ

еди-

единому добровольно твоя красавица имѣть то позволяетъ. Естлибъ я на пресвѣтломъ Олимпѣ изъ Божественныхъ рукъ безсмертныя Венеры пилъ Нектаръ, и паче бы любовїю упився покоился въ объятїяхъ сея Богини; естлибъ я ничему уже завидовать притчины не имѣлъ, то бы и тогда еще тебѣ позавидовалъ: раздѣли со мною полученный поцѣлуй, раздѣли со мною прекрасная Донна, и поцѣлуй меня! Тако онъ: и низско наклонившись прїемлетъ уже изъ другихъ устъ охладѣвшїй поцѣлуй, и ровняется съ сабачкою. Три краты погладивъ ея еще отвращается и Лодекарномъ побѣдоносную свою руку омываетъ.

Тогда приступаетъ, Сиръ-Брантъ желая ласковою десницею погладить любезнаго звѣрка: но Донна супротивляется, и награждаетъ ласкательства его угрозами: единый только Строомъ можетъ цѣловать ея: тако чудесно позволяется остроумному то, чего робкїй невѣжда по-

лучить не можетъ, хотя каждый почитаетъ собственныя свои дарованія: красавица восхищается своею остротою, или румяными ланитами; женатый своею супругою; а ея любовникъ обыкновеніемъ; Стихотворецъ своимъ духомъ; ученый премудростію; а придворный надменнымъ о себѣ мнѣніемъ: Брантъ доволенъ здравымъ и горячимъ своимъ желудкомъ. Съ охотою избыточественно онъ ѣстъ, и шесть бутылокъ въ утоленіе жажды снести можетъ, такимъ запасомъ нагрузясь не жалуется онъ на свою судбину, ниже пересмѣхаетъ другихъ, и говоритъ хуже, нежели говорилъ прежде. Боастеръ рожденный Герой, красота ратнаго крыла, съ пріятностію эспантонъ свой носитъ, и съ благопристойностію мучитъ жезломъ своихъ подчиненныхъ. Огнемъ въ очахъ его горящимъ, и факаломъ въ рукахъ сожигаетъ онъ грады, или сердца воспламеняетъ. Вестернъ нѣсколько дикъ; когда онъ обременя ноги свои тяжкими сапогами не удобенъ къ танцамъ, то тѣмъ лучше

лутче поражаетъ на лету бѣдныхъ ласточекъ. Мало таковыхъ ловцовъ извѣстно Діянѣ, каковъ онъ; когда въ зеленыхъ дубровахъ гоняетъ заица, или въ густыхъ лѣсахъ ополчается. Но твои Спроомъ, медоточивыя уста проливаютъ сладкое слово, и съ равною остротою умѣешь ты похвалить госпожу и ея сабачку.

Но се приближается надменный принужденною смѣлостію Сиръ-Боастеръ; и полъ подъ тягостію его не умѣреннаго тѣла воздыхаетъ, отъ зеркала подходитъ онъ сюда, гдѣ повидался онъ съ противу-стоящею своею тѣнію, и можетъ быть лѣпообразію ея подивился: и подобно какъ предъ ополченными рядами; выступя дѣснюю ногою, подкрѣпя вздохи лѣвою мышцею, напрягая храбрую грудь, рекъ тако: Марсъ, Сатурнъ, и ты Царь твоихъ Боговъ великій Юпитеръ, и ты Нептунъ обладатель морскія пучины, и страшныхъ непогодъ; вы, простирая безсмертныя зѣницы съ высоты пресвѣтлаго Олимпа, ви-

видали ли когда, толь счастливаго супруга коль благополученъ сей звѣрокъ? гордъ, какъ павлинъ Юпитеровъ не хощетъ онъ съ мягкаго лона, на которомъ покоится, и воззрѣть на оружїе своихъ когтей . . . Хотя вопль кровопролитныхъ браней, хотя мятежи опасности, и гласы ратныхъ трубъ единое всегда было мое утѣшенїе, и хотя одръ въ шатрѣ военномъ, или подъ пространнымъ Небомъ, на влажной землѣ, всему я предпочитаю, но увы! . . . . Желалъ бы и я покоится на одрѣ такомъ на какомъ ты, ображенный звѣрокъ, теперь покоишся! Брантъ чувствуя сильное во всѣхъ своихъ составахъ движенїе. какъ будто себѣ самому удивляется, напрягаетъ обширную утробу, осклябляется и хохочетъ. Тако движетъ ужасная буря зеленыя кустарники, и колеблетъ твердое древо, претолстаго дуба!

Вестернъ сидящїй близъ Ѳалестры, слышитъ громогласный смѣхъ, востаетъ, приходитъ, и озираясь кровавыми очами, про-

провозглашаетъ: какой проклятый басъ я слышу? Но что? Строомъ похищаетъ поцѣлуй, или воровски беретъ ихъ у сабачки! слушай мой другъ! естли ты хочешь красть, такъ крадь ихъ отъ первыхъ устъ! О ты мой возлюбленной! ты лутче и Валера, ты лутче моей сабачки. Взгляни, взгляни, на него сударыня! какъ куколка онъ сѣдитъ; нѣтъ въ немъ недостатка; ни пятнушка... Чудно, отъ красныхъ каблуковъ, даже до кустарника его бровей, нѣтъ ни единаго пятнышка!

Между тѣмъ востаетъ Донна, злобится, и отверзаетъ прекрасныя челюсти; и естли не отмщаетъ Строомъ, то мститъ за него вѣрная сабачка. Вестернъ дружески удаляется, ласкательствами хощетъ усмирить ея; но тщетны всѣ ласкательства: разъяренно зубами она угрожаетъ, и покрывъ прекрасное чело браздами, бранитъ, и вражески на Вестерна взираетъ. Тако гнѣвается добродѣтельная

ная жена на гордаго своего мужа, когда онъ будучи разъяренъ, со многими ложными поученїями, устыжая ея въ лице, хочетъ утверждать, что онъ глава, и повелитель своего дома. Всѣ хитрости испытуетъ Арминда, ко усмиренїю ея, и строгость и человѣколюбїе, и ласки и угрозы употребляетъ къ угашенїю ея гнѣва. Но кто удобенъ премѣнить теченїе предѣла! отъ начала вѣка предопредѣленъ уже ея рокъ, и неизбѣжно исполнится ему подобаетъ. Обращая слезныя свои къ Арминдѣ взоры, Донна, склоняетъ ея къ жалости, и прося ща цѣлуетъ ея руку. Но Вестернъ, котораго сердце ни малаго человѣчества не ощущаетъ, не нѣжняе шутитъ и съ нею, какъ привыкъ съ Валеромъ, принимался тогда за рюмку, какъ сїе прекрасное животное, утомленное наконецъ дерскою шуткою, подобно сверкающей молнїи съ мягкаго ея ложа низринулась. Лаючи свергласъ она на жестокой полъ; и эхо воплю ея изъ всѣхъ концовъ чертога отвѣчало. Вестернъ бѣжитъ, и на пути поражаетъ

жаетъ Сиръ-Боастера и не осторожнаго Бранта; вино течетъ по великанѣ, и чрево его въ стѣну ударяется.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ VIя.

СОДЕРЖАНІЕ VI ПѢСНИ.

Сиръ-Боастеръ злобствуетъ на Вестерна, что его поразилъ, и облилъ виномъ его камзолъ; между тѣмъ Арминда старается смирить свою сабачку, которая на всѣхъ зляся лаетъ. Вестернъ ругаетъ Донну, и упрекаетъ Арминду, что она къ ней такъ пристрастилась; а Ѳалестра насмѣхается надъ Вестерномъ. Ургонъ духъ распри внушаетъ Лорду, чтобъ усмирилъ вражду между Донною, Арминдою, и всѣми спорющимися. Лордъ увѣщевая Вестерна, подходитъ къ Арминдѣ, подчиваетъ табакомъ изъ златой табакерки, [описаніе оной какъ дошла до рукъ его.] Донна злится на Лорда такъ какъ и на всѣхъ, онъ ея упрашиваетъ, хощетъ погладить, но она въ ярости кусаетъ его руку, кровь струями течетъ изъ раны, трепещущая Лота увидя сіе наполняетъ храмину воплемъ.

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ VIя.

Не тако бѣснуется ужаленный многими оводами дикій волъ, или Филиса, когда розобьетъ служанка ея Дрезденскій фарфоръ; не тако ярился и Діего, когда жестокій Графъ, соперникъ его чести, дерзкою рукою поразилъ ветхую его ланиту, не тако злится красавица, лишенная не милосердою воспою жениха; не тако злится она внимая, что онъ о той прелестной кожѣ сожалѣетъ, которою прежде восхищался, и тѣ рѣчи твердитъ предъ юнѣйшею сестрою, кои доселѣ она отъ него слыхала. Не тако за отнятіе прекрасныя плѣнницы, разгнѣванный Ахиллесъ злобится, какъ Сиръ-Боастеръ: во иступленіи вопіетъ онъ о отмщеніи къ Богамъ, и обращаетъ потомъ печальное слово къ камзолу своему, какъ нѣ-

нѣкогда оскорбленный Дїего къ шпагѣ своей: Богъ браней и кровопролитїя, ты поборникъ храбрыхъ сердецъ, разрушитель великолѣпныхъ стѣнъ, губитель рода человѣческаго! воспряни о Марсъ! облекись кровожаждущею твоею яростїю; низвергни кичливую душу предерскаго Вестерна на мрачныя брега страшнаго Стикса, и отмсти срамъ и поношенїе раба твоего! да не затмитъ сїе лавровъ моихъ посрамленїе, всея геройскїя моея отважности! кровь, кровь да обагритъ вмѣсто краснаго вина, мою одежду! а ты членовъ моихъ украшенїе, употребляемое мною въ торжествахъ, на поляхъ Фарсальскихъ, или во дни знаменитыхъ праздниковъ; ты любезный мой камзолъ, опасный нѣкогда прекраснѣйшимъ очамъ, приобретающїй у Жидовъ мнѣ почтенїе, дарующїй мнѣ склонность упорныхъ красавицъ, не оскверняй уже болѣе тѣла моего: иди въ ветошный рядъ, и чрезъ руку перваго Жида, шествуй въ руки подлаго народа!

нѣжные трепещущія матери, которая взирая на младенца сына своего, на ненадежныхъ ногахъ по храминѣ бѣгающаго и сѣмо и овамо колеблющагося, боится его паденія. Взираетъ Арминда на свою сабачку; и пріятнымъ гласомъ вопіетъ; Донна! Донна! но тщетно вопіетъ она! кто удобенъ въ первомъ движеніи гнѣва повиноватся? надменная побѣдою Донна яритcя на всѣхъ, окрестъ ея стоящихъ, и на всѣхъ лаетъ: и можетъ ли кого нибудь она убоятся, естли уже слово Арминдино усмирить ея не въ состояніи? Вестернъ, котораго дикое сердце утѣшается всегда предерскими шутками, когда онъ или дѣвицъ устыжаетъ, или съ сабаками гоняется за робкимъ заицомъ, Вестернъ смѣется, и съ удивленіемъ обращая глаза свои на Донну глаголетъ: едва не четыредѣсять лѣтъ я себѣ считаю, двадесять подъ остріемъ бритвы брада сія ростетъ, и уже шестьнадесять брѣетъ ея искусная рука моего П...! А возращенный болѣе съ звѣрями, нежели съ

людь-

людьми, ни я, который ни чего такъ не любитъ, какъ охоту, родителя, и коней его. Тысящу псовъ я знаю; но пусть Ургонъ на семъ мѣстѣ меня поразитъ, естьли въ цѣлой тысящи толь ворчаливую хотя единую сабаку я видалъ! Не тако лаетъ и Валеръ мой, гоняяся за свиньями, ниже Кара, сія любезная моя сука, скачучи за дикою козою. А ты еще Аминда ея цѣлуешь? Сія презрительная тварь имѣетъ счастіе покоится на прекрасныхъ рукахъ твоихъ? . . . Да пущай естли бы она была мущинка! . . . и того нѣтъ. Мать ея была любострастна, и можетъ быть къ стыду ея, Гишпанцу, какой нибудь подлостью прельщалась!

Радость и скука раздѣлили тогда храмину. Боастеръ катается отъ смѣху; а Сиръ-Брантъ намѣряющійся въ ту минуту выпить рюмку, удерживается, и повторяетъ шутку. Брантъ, которой изъ чужой остроты извлекаетъ всю соль, и подобно эху, оное повторяетъ, и озираеть-

рается, ожидая похвалы себѣ: Брантъ, которой мнитъ, что онъ можетъ всегда вогнать краску въ лицѣ стыдливыя Богини, и которой всегда готовъ подшутить, напрягаетъ еще велерѣчивыя свои уста; но Лади, уже Лади стыдится и единый лучь изъ очей ихъ поражаетъ два дурныя слога ево реченія, и самаго его въ камень обращаетъ.

Уже Ѳалестра гнѣвается, и глаза подругъ ея вопіютъ къ ней объ отмщеніи; съ усмѣшкою рекла она Сиръ-Вестерну: Сиръ, кто творецъ сея шутки? не у Казнодѣя ли ты ея занялъ? или изъ тонкихъ поученій брѣющаго пречестную браду твою? на колѣна Сиръ! не жди приговора нашего, и проси да отпустится вина твоя, прежде нежели совершится наше отмщеніе, и да позволится тебѣ воскурить предъ нами благовонія. Вестернъ угрожаетъ самъ противнымъ мщеніемъ, и зракъ его являетъ, что последуетъ скоро новое съ мечтающимся въ умѣ его Ва-

леромъ сравненїе. Но Милордъ гонимъ немилосердымъ рокомъ приближается, и его присутствїе окончеваетъ угрозами воспыхнувшую уже брань: ибо Ургонъ духъ распри и ненависти, видя бѣду злѣйшую еще приготовляетъ, и желанное будетъ для него окончанїе. Тихимъ разглагольствїемъ безплотныхъ духовъ, котораго изъ смертныхъ, кому не позволено, ни кто слышать не можетъ, рекъ онъ Милорду: Милордъ, все зависитъ отъ тебя! не видишь ли ты ужасныя непогоды, зыблющейся надъ прекраснымъ симъ звѣркомъ? иди честь твоя, Арминда, и сабачка помощи твоея требуютъ каждая минута драгоцѣнна! спаси ихъ, и востанови блаженную тишину! вѣдай при томъ, что любовь за сїю услугу, сердце Арминдино тебѣ предопредѣлила.

Тако онъ: и Милордъ поспѣшаетъ къ прекращенїю вражды. Лади-Брантъ тратитъ къ горести своей въ другой разъ, и его, и съ нимъ его извиненїя. Очи ея провож-

вождаютъ его; и выступившій на ланитахъ румянецъ, показуетъ сердечную досаду, произведенную отсудствіемъ его.

Принуждаясь скрыть прямое свое чувствіе, обращаетъ она гнѣвъ свой на причину всеобщаго беспокойства, и тако рекла Кренцу: хотя въ скаскахъ случалось ли тебѣ слышать о толь злобной сабачкѣ? чего не удобна сама Арминда отвращать, тому тщится сей маленькой звѣрокъ препятствовать. Возри на бѣгущихъ отъ нее трехъ почитателей! . . . Божественная Люкреція! ахъ! . . . Почто не было Донны ко спасенію твоей жизни! Ты пострадавъ закрыла на вѣкъ стыдливыя очи свои кинжаломъ, и изгнаніе царей, пролитіе крови, ужасныя брани, мстили учиненное тебѣ насиліе. Но мы хотя не съ такою славою, стократно благополучнѣе тебя! Чего мы сами возбранить не можемъ, то возбраняетъ пріятный звѣрокъ! О Сиръ! удобны ли, мы, взирая на пресмыкающихся предъ нами не-

вольниковъ, взирая на ленты, звѣзды, и ослѣпляющее злато, боротся съ собою, и противу ихъ сильныхъ искушенiй ополчатся! На то, на то, единственно истощала сiя красавица все свое искуство, украшая румянцомъ ланиты, и черня русыя свои власы! Такъ и мы, которыя теперь по старѣе, бывали молоды; но красота любезный Сиръ, красота безъ добродѣтелей, есть ничто иное, какъ только преходящая тѣнь. Всѣ наши розы увянутъ, и поблѣднѣвшiя ланиды впадутъ; и когда настанутъ сiи несносныя времена, куда сокроются тогда всѣ почитатели? трепещущими ногами будетъ она тогда приближатся къ ея уборному столику, когда хладное писмецо станетъ утверждать справедливость того, что зеркало по утру обьявило: или когда она по вечерамъ съ стенанiемъ будетъ взирать на ухищренную, проворными руками служанки, свою красоту, лежащую, или въ одеждахъ на стулѣ, или, въ коробочкахъ на уборномъ

ея столикѣ! Тако она: а сего болѣ вѣщали ея цѣломудрыя очи.

Помедли, потерпи прекрасная Лади! Вѣ сію минуту отмстится твоя досада; и не пребудетъ грѣхъ безъ наказанія. Съ веселымъ зракомъ оставляетъ тебя Лордъ; но бѣдный онъ, не предвидитъ своего рока! Горесть твоя послѣдуетъ по стезямъ его: постигнутъ его твои клятвы. Уже его преступленіе, а твой срамъ, и безчестіе вопіютъ объ отмщеніи къ превыспреннымъ Небесамъ! Тако, о немилосердая судьба! въ помраченіи своемъ не видимъ мы грозящаго намъ несчастія, и стремимся въ пучину бѣдъ, или въ самыя челюсти не избѣжныя смерти! иди, злосчастный иди! но скоро станешь рыдать о своемъ предпріятіи! Ты уповаешъ итти къ побѣдѣ, но обагришся ты курящеюся кровію. Уже помрачается свѣтозарный день, и твоя лютая минута несется купно съ нощію на мрачныхъ подобно грому, облакахъ. Все въ жестокомъ движеніи стонетъ

нетъ; вечеръ, луна, земля, звѣзды, являютъ страшныя предзнаменованія, приближающагося кроваваго часа!

Подобно Улиссу, посланному Минервою устрашить, и остановить робкихъ Грековъ; когда сей народъ, яко отбіенный отъ камени валъ морскій, стремился съ поля ратнаго на брега къ кораблямъ своимъ, и подъ ногами его трепетала земля, и воздухъ отъ вопля его стеналъ, шествуетъ Лордъ къ востановленію тишины; иному грозитъ, инаго пріятною усмѣшкою усмиряетъ. Прежде всѣхъ проглаголалъ Вестерну: Сиръ; оскорбленіе Нимфамъ любезной вещи, есть не простительное оскорбленіе величества. Всѣ красавицы тобою огорчены: сей божественный родъ, имѣющій право требовать отъ насъ почитанія, цвѣтущая на лицахъ ихъ весна понуждаетъ и самыхъ твердыхъ мужей обожать сихъ смертныхъ: ихъ властное око, не умолчно вѣщаетъ, что они суть владычицы сердецъ нашихъ. Не оскорбляй, Сиръ,

Сиръ, не оскорбляй болѣе счастливаго сего звѣрка! въ немъ раздражаешъ ты Арминду, а въ Арминдѣ и весь родъ сего прекраснаго сословія. О! колико безчестія для тебя, естли на пирахъ, въ бѣсѣдахъ, въ собраніяхъ будутъ женщины вящше страшится зрака твоего, нежели дерзскихъ челюстей твоего Валера!

Вестернъ отвернувся смѣется; а Лордъ подходитъ между тѣмъ къ Арминдѣ, и изъ златой табакерки табакъ принимаетъ. Сія несравненная вещь, украшенная рѣзбою изобразующею разныя повѣсти, выписана была нѣкогда для невѣсты съ Кентъ изъ Италіи. Эрмій, получившій ея изъ храмины художника, былъ уже другой, изъ рукъ, котораго достигла она до рукъ Лади. Оная Лади въ день своего съ Милордомъ де ла Розе сочетанія, вручила ея купно съ своимъ сердцемъ юному жениху. Милордъ нисходя въ темныя жилища мертвыхъ, препоручилъ ея единородной своей дщери, на знакъ послѣдняго

съ нею цѣлованія; отъ нея прешла къ Санху ея любезному супругу. Санхо отецъ нашего Лорда, скончавъ дни свои, закрылъ глаза вѣчнымъ сномъ; но табакерка бытія своего еще не окончала, отъ прародителей преходя изъ рукъ въ руки, достигла она до Лорда, и освященная древностію, опредѣляющею цѣну вещамъ, блистаетъ еще и нынѣ въ нѣжныхъ Милордовыхъ рукахъ, когда онъ благоволитъ понюхать табаку.

Донна взираетъ на приближающагося Лорда, и страшась измѣны, возвращается на лоно Арминдино. Въ очахъ сего витіи познаетъ она великую опасность, и враждебнѣе почитаетъ она сего льстеца, нежели презрителя. Но гдѣ есть такая тварь, которая бы могла сопротивлятся, когда краснорѣчивый ласкатель воскуря благовонія, проситъ о милосердіи? ядовитое краснорѣчіе! ты сильняе и огня и меча; ты воспитало тиранновъ, и разрушило наитвердѣйшія царства. Ты опол-

ча-

чаешся и оскверняешь троны, или уборныя столики; ты главы честныя вѣнчаешь рогами, ты расторгаешь священныя клятвы, и неизчетныя войска вооружаешь: рушишь добродѣтель женскую, и Парменїоновъ погубляешь, твоею силою, твоимъ ласкательствомъ, которое обезоруживаетъ упорныхъ красавицъ, и противъ котораго они мужественно стоять не могутъ, укрощаются и самыя лютыя звѣри.

Но нѣтъ, не смягчитъ уже сїю жестокую душу, твердую въ сохраненїи важныя своея должности ни какое ласкательство, когда она и лютыхъ угроженїи не убоялась. Успокойся любезная Донна, речетъ Лордъ; утуши ярость свою. Гнѣвъ твой справедливъ! но гнѣваются ли красавицы? я приступаю не досадить, поцѣловать тебя прекрасный звѣрокъ! не досадить, великое бы было отъ меня преступленїе! но не будешъ ли ты и мною раздраженна? Такъ прорекъ, и касается

онъ миролюбно, но нѣсколько дерзко нѣжною своею рукою прекраснымъ ея членамъ. Осторожное животное зря нисходящею отъ пучка цвѣтовъ къ одру ея десницу, наполняется страхомъ и ревностїю. Весьма блиско оное мѣсто къ тому, гдѣ обитаетъ обнаженная красота, и гдѣ бѣлыя холмы, слѣдуя драгому обыкновенїю, не угнѣтаемы покрываломъ ликуютъ другъ отъ друга отвращаясь. Дерзновенїе любви, и положенїе руки, угрожали опасностїю гордящемуся тамо пучку. Какъ не прикосновенно святилище Султанское, такъ святы всѣ мѣста окрестъ сея обители утѣхъ, и не дерзаютъ до нихъ касатся персты смертныхъ. Донна видитъ оскверняему рукою хищною ея святыню; наказуетъ отважность по праву Восточныхъ народовъ, и разъяренная бросается на ту руку, коя желая возстановить дружество, коснулась заповѣданныхъ мѣстъ. Содрогнувся отбѣгаетъ Лордъ, и простерши руку свою рекъ, се мзда попеченїя моего за то, что я миръ и тишину

воз-

возстановить хотѣлъ! кровь чистая течетъ быстрыми потоками изъ невинной его раны, и изъ устъ трепещущія Лотты, раздается по хроминѣ отъ испуганія происходящій вопль.

Тако изгнаніемъ, поношеніемъ, и лютою смертію воздаются благородныя дѣла, и часто за грѣхи всеобщія, обагряется кровію достойный сынъ отечества.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ПѢСНИ.

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ VIIя.

СОДЕРЖАНІЕ VII ПѢСНИ.

Арминда узрѣвъ уязвленнаго Лорда ужасается, и упадаетъ въ обморокъ. Вестернъ смѣется надъ Лордомъ; а Лади-Брантъ оное ободряетъ лукавою насмѣшкою. Кренцъ преклоняется къ Лади-Брантъ и тайно насмѣхается Ариндѣ и Лорду: Лотта будучи влюблена въ Лорда, беретъ Шпанскаго табаку, и онымъ засыпаетъ рану, но то не помогаетъ, и она оную перевязываетъ. По семъ Богиня Венера снизходитъ съ облаковъ, и наполняетъ воздухъ ароматами. Входитъ въ храмину, произаетъ стрѣлою Арминду, и возжигаетъ въ ней любовь къ Лорду. Арминда сіе почувствовавъ, раздражается на Донну, за уязвленіе Лорду руки, пріемлетъ опахало, три краты поражаетъ онымъ сабачку, и убиваетъ ее до смерти.

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ VII*я*.

Кто можетъ терпѣливо пренесть толь великое злополучїе? Страхъ, нѣжность и гнѣвъ во глубинѣ смущеннаго Аримдина сердца! хладѣетъ кровь въ ея жилахъ, и на ровномъ челѣ являются морщины; увядаютъ прекрасныя розы на ея ланитахъ, и смертная блѣдность ихъ покрываетъ. Орошенная хладнымъ потомъ ея глава преклоняется, руки опускаются, тяжкїя стенанїя въ груди остановляются, и прїятныя очи, удобныя горестную жизнь усладить и воскресить мертваго, помрачаются темностїю смертныя нощи. Увы! она умираетъ; умираетъ та, предъ ногами которыя дѣйствительно и не притворно, иной невольникъ испускалъ послѣднїя вздохи, иной почитатель разума лишался, умираетъ та, которыя явящею холодностїю

стію внимала стенанія, нежели игрывала въ ломберъ, и которая читая и слушая о смертноубійвствахъ, никогда въ обмароkъ не впадала. Тако умираетъ Полководецъ, которому случилось приводить храбрыхъ воиновъ къ кровопролитной брани, когда проворной врачь отворяетъ жилу для облегченія главы его.

Но Вестернъ ожесточенный ремесломъ своимъ, не чувствительный при смерти ближняго. Милосердый къ тучнымъ своимъ псамъ, и строгій къ изсохшимъ своимъ крестьянамъ. Вестернъ взираетъ равнымъ духомъ, какова едва ли можно и въ Неронѣ чаять, какъ на окровавленнаго зайца, такъ и на истѣкающаго багряными потоками своего друга; и съ тѣмъ же Геройскимъ великодушіемъ, смѣется ранѣ Лордовой, съ какимъ оглаживаетъ своего Валера, когда оный утомленнаго еленя терзаетъ. Жаль! вопіетъ онъ, что сей перстъ, златомъ всегда препоясанный, перстнями всегда украшенный, перстъ

столь

толь нѣжный и прекрасный, окровавленъ теперь; и будетъ красота его въ тщету ему; и уступитъ онъ облечась въ черную одежду, всѣ наряды свои здравому сосѣду; не прикоснется онъ долгое время къ любезнымъ картамъ, и будетъ въ стыдъ и поношенїе девяти братїямъ своимъ! о дражайшїй перстъ! достойный содержимъ быть въ рукахъ превосходныя красавицы, въ нихъ играть и покоится! Сиръ! уже голубая краска покрываетъ твой ноготь, уста и зракъ твои блѣднѣютъ! прїими любезный Сиръ, прїими врачебной порошокъ, или кровь пустить себѣ повели! Сама прекрасная твоя Донна сожалѣетъ о тебѣ Милордъ, уже она раскаивается! дай, дай ей кусокъ сахару; или поцѣлуй ворчеливаго звѣрка! о коль благополучна, чортъ меня возми! коль благополучна жена твоя на земли! толь терпеливаго мужа, каковъ ты, нѣтъ и изъ Мопсовъ ни единаго!

Тако онъ. Лади-Брантъ ликуя, что отмщенно ей причиненное оскорбленіе, награждаетъ его пріятною усмѣшкю, свидѣтельствуя тѣмъ, что онъ провозглашалъ какъ истинному прилично Герою. Но Кренцъ еще и тѣмъ былъ не доволенъ. Кренцъ, ядовитый въ произношеніи слова, красноречивый въ ироніяхъ, замысловатый въ язвительныхъ насмѣшкахъ. Острота его нещадитъ и крайняго друга. Истинна преобращатся въ ложъ на языкѣ его; все его препровожденіе времени есть посмѣяніе, и все его удовольствіе есть презрѣніе ко всѣмъ людямъ. Взоръ его уподобляется обитающей въ тѣлѣ душѣ, и точно изображалъ ея; бугристыя плеча его воздѣваются вмѣстѣ съ испускающею дыханіе грудью. Лице его продолговатое, власы длинныя и тонкія. На носу ликуетъ оброзшая власами бородавка, подобно кустарникомъ по покрытому холму, оглядающему ровныя долины. Погребенное во лбу лѣвое око одѣянно прерванною рѣсницею, а десное искосившись не подвижно

взираетъ. Всегдашнія слышатся хрипѣнія въ стѣсненной груди, подобно раздающемуся въ дали грому. Сей гнусный насмѣшникъ лестно приклонившися къ уху Ладибрантъ, рекъ ей: о чемъ сѣтуетъ сей Герой, торжествуя при своей красавицѣ, которая за него въ обморокѣ истлѣваетъ? Не довольналь мзда за всѣ капли крови изтекшія изъ его раны. Не довольноль награждено прошеніе, причиненное ему дерскими зубами постельныя сабачки? Могутъ ли сихъ знаменитѣе быть лавры, вѣнчающія честію главу Героевъ, когда они покрытыя славою и ранами возвращаются изъ военныхъ непогодъ! Сія истекшая кровь, конечно отверзаетъ ему пріятный путь къ сладкой побѣдѣ, и краткая болѣзнь приноситъ любезныя съ собою утѣхи! Сія блѣдность на лицѣ, сіе наланитахъ розъ помраченіе, и сія прекрасная смерть, единственно за него, за него изъ сожалѣнія обмерла Арминда. Все на уборномъ столикѣ Косметическія утвари, всѣ коробочки открываютъ для него

го свои сокровища, алмазы, злато, сребро, розы, все для него единаго. Отерла ли она оставшуюся отъ последняго поцелуя пудру? или еще сіяетъ сей знакъ победы на на тупе ея? Еще ли онъ Боговъ на помощь призываетъ? Чего онъ боле сихъ победоносныхъ трофей желаетъ? Разве на то онъ призвалъ насъ сюда, чтобъ мы и последнія его победы свидетелями были? О! колико слабы мы, колико гнусны, что повинуемся зву ево! какія можемъ мы тамо ожидать чести, где два плененныя сердца воздыхаютъ. Зевать, зевать лишъ намъ осталось! лутче удалимся мы отъ сюда, да останется онъ съ нею во уединеніи, и да возпользуется благосклонною минутою, дарованною ему симъ обморокомъ. Двадесять вечеринокъ впредь учредитъ онъ можетъ быть тщетно такого счастія добиваясь!

Тако ругаетъ насмешникъ, подражая злоязычному Ферситу. Между темъ смиренная Лотта тяжкія испускаетъ вздохи. Печаль и лютыя скорби грызутъ стеснен-

женное ея сердце, и тревожатъ кровь во всѣхъ ея жилахъ. Въ умѣ ея твердятся всѣ прелѣсти Милордовы, всѣ его взгляды, и всѣ его рѣчи. Въ таковъ смущенiи летитъ она укротить теченiе любезныя крови; беретъ Шпанской табакъ, и заграждаетъ онымъ ея источникъ. Но тщетно! превѣчный могущихъ боговъ совѣтъ, не ея ко излѣченiю сея жестокiя раны предуготовилъ; предѣлъ ихъ долженъ совершитися. Она нѣжно усмѣхаясь рекла: за похвальныя твои бѣдный Милордъ дѣла, течетъ сiя невинная кровь, и вопiетъ объ отмщенiи. О! естлибъ опахалами убiенъ ты былъ: или бъ булавки поразили тебя; естлибъ сiи справедливыя оружiя, которыя смиренныхъ женщинъ защищаютъ отъ дерзкихъ перстовъ, когда они помрачены отважнымъ любопытствомъ, низвергаютъ флеры съ мѣстъ имъ принадлежащихъ, извлекаютъ булавки изъ Палантиновъ, или пучки цвѣтовъ изминаютъ, тебя уязвили; ибо геройская кровь по справдливости должна проливатся за про-

дерзость, но вмѣсто того, днесь течетъ она невинно, течетъ, и прискорбный гласъ къ превыспренным Небесамъ возсылаетъ.

Тако велегласно вопіетъ Лотта; и перевязывая его рану, желаетъ огня своимъ очамъ, и новыхъ Милорду ранъ. Хотя бы онъ ласково взглянулъ на меня, не моглибъ онъ пламенными своими устами поцѣловать, или по крайнѣй мѣрѣ руками своими пожать мою руку! что препятствуетъ ему? Не страхъ ли. Ахъ нѣтъ! на все дерзать онъ можетъ, и чего языку промолвить не удобно, то власты дерзать прекрасныя его очи! румянецъ разливается по ланитамъ ея; она его ощущаетъ, и прикрывъ розовые уста нѣжною рукою, отвращается и кашляетъ тако благоволеніе было судьбы, и простужалась опахаломъ. Венера зрящая не подвижными очами въ чертоги Лордовы, видитъ кровопролитіе и соболѣзнуетъ симъ злосчастіемъ терзаема. Въ нѣжномъ ея сердцѣ борются гнѣвъ и жалость за

Ге:

Героя и сабачку; и бесмертное ея чело смутною печалїю покрывается. Быстряе стремительнаго на поверхности земли изъ мрачныхъ облаковъ блѣднаго огня, быстряе луча отъ Сатурна изъпадающаго, слѣтаетъ она съ высокаго Олимпа, благовонїе расширяется окрестъ Богини, и наполняетъ пространный воздухъ ароматами. Такъ разливаютъ прїятныя вешнїя цвѣты свое благовонїе по лугамъ, когда южный вѣтръ изъ розовыхъ устъ своихъ легкое изпускаетъ дыханїе. Изъ калчана прелестнаго своего сына беретъ она гибельную стрѣлу, раны, которыя не могутъ ни самымъ сыномъ Аполлоновымъ исцѣленны быть. Но прежде явленїя своего помрачаетъ она вѣчно цвѣтущїя на ланитахъ своихъ розы, и поясъ златый отвязуетъ. Зракъ ея побѣдоносный, и сладкая усмѣшка обращаются въ благопристойную кротость, и въ почтительное смиренїе. Юное чело покрывается морщинами; очи слабѣютъ, и въ таковомъ превраще-

нїи приближась Богиня къ Арминдѣ, и будучи ею зрима, глаголетъ ей.

Прекрасная Нимфа! сїя сабачка толь усердно по тебѣ поборствуя, нарушила Божественныя мои законы, оскорбила друга твоего, и тебя самую; Боастернъ опятнанъ, Милордъ окровавленъ, Вестернъ дикъ и сумозбродень, скорби, ненависть, мятежъ, раздоры, кровь и обморокъ, все происходитъ отъ ея неистовства. Должно ли тамо, гдѣ въ музыкѣ и веселїи, легкїя летаютъ ноги, устрашенному трепетать сердцу! тамо; гдѣ мущина, не получая отъ женъ поцѣлуя, цѣлуетъ другова мущину; тамо гдѣ всѣ красотѣ твоей, всѣ наряду твоему уступаютъ, гдѣ купно съ утѣхами я царствуя, и гдѣ дворяне соединены съ мѣщанами привѣтствуютъ госпожамъ, тамо, скажи? должно ли твоей сабачкѣ разсѣявать несогласїе, и проливать невинную кровь? Воспряни! не разбирается тогда времени, когда учтивство къ чему обязуетъ: скоротечны

по-

полезныя минуты, и какъ мгновенїе ока они минуются, кто жалѣетъ о несчастїи, и лѣнится отвратить его? Развѣ ты не знаешь сама моихъ законовъ? Развѣ тебѣ у другихъ учится надлежитъ? Се, прїятная Лотта, унимаетъ кровь бѣднаго Милорда: рука другой дѣвицы затворяетъ раны, твоею сабачкою произведенныя! Воспряни, естли честь, честь твоя мила тебѣ, иди, перевяжи сїю кровоточную рану, и отмсти сабачкѣ своими руками; сего требуетъ мое узаконенїе! Не стыдно не любить; но нарушать заповѣди мои поносно и мѣщанству: кольми паче дворянству не простительно.

Проглаголавъ, пронзаетъ она грудь ея ядовитою своею стрѣлою, и впустила въ сердце сладкую отраву: по томъ прїявъ того божественнаго балсама, которымъ исцѣляла Дїанна помазуя багряную рану, произведенную прекрасной Венериной рукѣ страшнымъ Дїомидомъ, возложила его на ея ланиты, и процвѣли опять розы на ли-

цѣ ея. Арминда воспрянувъ отъ смертнаго сна, извлекаетъ изъ златыхъ своихъ часовъ Аглинскую кожицу; стираетъ чистую кровь, текущую изъ раны Милордовой, налагаетъ на язву врачебную кожу, и кровь унимается. Между тѣмъ рекла она; сїя язва отъ меня тебѣ причиненна, я виною сего окровавленїя, и я хощу врачевать твои болѣзни! О несчастный день! проклятыя минуты, свидѣтели, пролїянныя мною крови! да будете вы и по прошествїи, всегда ужасны и прокляты! Да возрыдаетъ въ васъ женщина, измѣною оскорбленная, и сирая вдова, лишенная хладною смертїю мужа, или любезнаго попугая! Да будутъ въ васъ терзаемы зубною и головною болѣзнїю всѣ стихотворцы! Да непридетъ игрицѣ къ девяти матедорамъ желаннаго туза! Да странствуютъ во мракѣ ночномъ домовыя, чехотки, желчи и матки, и въ полдень да явятся съ вами воспы на лицахъ любовницъ! Все что можетъ васъ тронуть, не тронуло бы такъ гордости моея; великодушно пренесла

сла бы я потерянїе Кадилїи или Сентелева; великодушно пренесла бы я разбитїе золотыхъ моихъ часовъ, разрушенїе уборнаго столика, и ужасное зрѣлище, когда бы мои табакерки, алмазы, сабачка и кошки въ Хаосъ обратились! Но сей несносенъ мнѣ ударъ. Почувствуешь ты, несчастный и лютый звѣрь, ярость праведнаго моего гнѣва!

Се ощущаетъ она пламя, возженное ядовитою стрѣлою, и во гнѣвѣ страшное опахало на Донну ополчается. Но тщетно! Милордъ во мзду истекшїя изъ раны его крови, проситъ ея да успокоится; прїемлетъ съ благопристойностїю ея руку, пожимаетъ и цѣлуя ея, рекъ тако: умилосердись прекрасная Нимфа! тысящу смертныхъ желалибъ такъ окровавленны быть какъ я: ибо толь сладкое врачеванїе всѣ болѣзни утоляетъ. Довольно и единаго твоего сожалѣнїя, хотя бы и смертная была язва, отъ толь прекрасныхъ рукъ, усердно я обагренъ кровїю быть желаю, и

сей жертвы требуетъ моя честь, естлибъ я не любилъ Донны. Естлибъ я и ненавидѣлъ ея, то бы и тогда просилъ тебя о милосердіи: мщеніе прилично только подлости, а великодушіе есть свойство благородныя души. Время разрушаетъ грады, истребляетъ цѣлыя государства, разоряетъ Трофеи, и въ прахъ преобращаетъ побѣдоносныя лавры; сокрушаются въ пламени высокія горы, пожираетъ металлы грызущая ржа, и утѣхи юности нашей расторгаетъ наступившій мразъ немилосердыя старости; все гибнетъ, и все исчезаетъ; но любовь моя никогда не истребится до конца предѣломъ моей жизни положеннаго. Будетъ рана сія мнѣ въ честь, и кровь проліянная мнѣ въ славу, подобно какъ побѣдителю лавровыя вѣнцы, и торжественныя пирамиды, и когда она затворится, зарастетъ, и уже нималѣйшаго знака бытія ея не остается, и когда никакое уже празднество прельщать меня не будетъ, то и тогда еще сей торжествен-

ный

ный день, да будетъ днемъ всегоднаго моего празднованія.

Между тѣмъ прикасается онъ еще разъ къ рукѣ Арминдиной: но злобная Донна новою преисполнившись яростію, бросается, и Лордъ трепещетъ.

О бѣдный звѣрокъ! уже мщеніе гремитъ надъ тобою; разгнѣванная Венера наноситъ уже страшную минуту, и скоро рокъ твой совершится. Уже приближается хладная смерть, и ужасный колчанъ ея изпускаетъ стонъ. Три краты стучитъ Арминда ногою въ полъ, три краты возноситъ свое опахало, три краты поражаетъ имъ свою сабачку. Венера невидимо усиливаетъ ея десницу, наводитъ ударъ на нѣжное чело, и смертное причиняетъ пораженіе. Донна вопіетъ, упадаетъ, катается въ смертномъ мученіи, изпускаетъ духъ, и купно съ нимъ духа хранителя Арминдина. Все лишается своего покоя: ужасъ, жалость, рве-

рвенíе, любовь и всѣ страсти совокупно страшный мятежъ составляютъ: блѣднѣютъ ясныя свѣщи, рвутся квинты, содрагаются столы, басъ изпускаетъ громовыя гласы, и наполненныя рюмки въ робости трепещутъ. О бѣдный звѣрокъ! жалостно вопïетъ Ѳалестра; въ залѣ раздается ея гласъ; и эхо во всѣхъ углахъ слезно повторяетъ: бѣдной звѣрокъ! шумъ устами, шумъ одеждами причиненный, вздохи, стеченíе народа, и мятежъ умножаютъ ужасъ вечера.

Тако умираетъ великíй Атлантъ, держащíй на сильныхъ раменахъ своихъ тяжкое бремя цѣлаго свѣта, или язвами покровенный Полководецъ нѣкогда многихъ легïоновъ побѣдитель. Чудеса предвѣщаютъ ихъ смертный часъ, и когда воздыхаютъ лицеизображенíя ихъ предковъ, гремятъ мечи и шлемы, и бурею раздуваются знамена, ревутъ совы, воютъ гладныя псы, двери разверзаются, и твердость

за́мка содрагается, и се умираетъ великїй мужъ, или постельная сабачка.

Не тако громогласно во всенародномъ смущенїи вопїяли страждущїя Троянки, когда Пергамскїя пылали стѣны, зрѣли въ немилосердой десницѣ разъяреннаго Пирра блестящїй кровавый мечь, и приносящїй на жертву тѣни его отца, престарѣлаго Прїама. Не тако и Софонизба вопїяла, зря Аструбала, съ тобою, о! Карѳагена! умирающа, и падшее все отечество своего величества.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ПѢСНИ.

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ VIIIя.

СОДЕРЖАНІЕ VIII ПѢСНИ.

Духъ хранитель Арминды, по убіеніи Донны, изходитъ изъ ея тѣла, жалуется Діанѣ на Венеру, что она воспалила любовь въ Арминдѣ къ Лорду. Діана за сіе прогнѣвляется, и быстрѣе стрѣлы направляетъ полетъ къ Солнцу, и спрашиваетъ колесницу, и на оной восходитъ на Олимпъ. Предстаетъ въ пресвѣтлый чертогъ предъ собраніе Боговъ, и со слезами жалуется Юнонѣ на Венеру: Юпитеръ вступается за дщерь свою, и прогнѣвляется на Юнону, но она умилостивляетъ отца Боговъ, и испрашиваетъ, чтобъ взялъ онъ Донну на Небеса, и вмѣстилъ въ созвѣздіе, что онъ и обѣщеваетъ; а Діана съ радостію возвращается на землю.

Смерть сабачки

Пѣснь VIII *я.*

Уже является надъ дремлящими лѣсами сребренный мѣсяцъ, и разливаетъ по полямъ блѣдный свѣтъ, плодоносную росу, и пріятное прохлажденіе, ищетъ онъ прекрасныя своея Богини, и обрѣтаетъ ея въ темнозеленыхъ рощахъ, носящу колчанъ на раменахъ, и блестящее въ десницѣ ея копіе. Оттуда видитъ она низходящую съ высокаго Олимпа Кипрскую Богиню: [ибо очи бесмертныхъ Боговъ видятъ и то, чего и рюмки не удобны намъ открыть]; понимаетъ лесть ея, и пребываваетъ тамо, доколѣ не достигъ до слуха ея мятежъ, и доколѣ духъ хранитель съ печальною вѣстїю не предсталъ предъ нее.

Бо-

Богиня! речетъ онъ: ты, которой бездна адская, обширная вселенна и пространныя Небеса извѣстны суть, Изида, Луна, Геката, или какъ ты еще зовешся; непорочная дщерь прекрасныя Латоны, ты, которая нѣкогда главою гордаго еленя къ смерти украсила дерскаго Актеона, мстительница любви, страхъ дщери Ликоановой. Внемли гласу моему; красавица моя любить начинаетъ: увы Арминда не та уже стала, и духъ ея хранитель презрѣнъ и изгнанъ!

Тако онъ. Тогда Діана подобно бурѣ, въ тишинѣ среди нощи надъ спящими уже градами востающей восходитъ на Олимпъ; куда ни обратятся пресвѣтлыя ея очи, повсюду разливаютъ сѣверное сіяніе; и половина круга Небеснаго отъ нихъ горитъ: сто премудрыхъ Астрологовъ ужасаетъ сіе чудное явленіе; сто предвѣщаютъ уже изъ него кровавыя войны, смертоносныя моры, трусы, потопы, и дороговизну; но сто другихъ тщатся

тѣмъ

тѣмъ обрадовать Христіанство, прорекая въ Календаряхъ своихъ смерть Султану. За знойную Аравїю, и пространную Индїю въ чертоги любезнаго своего брата, направляетъ полетъ свой раздраженная Богиня. Его царскїй замокъ, утвержденный на высокихъ столпахъ, сїяетъ сребромъ и златомъ, и мрачитъ око лучами драгоцѣнныхъ камней. Бойницы на стѣнахъ покровенны слоновою костїю, искусство Мулцибера велелѣпїе сихъ преизящныхъ сокровищь, трудами прехитрыхъ его рукъ изрылъ онъ глубину морскую, положилъ въ пучину основанїе твердыя земли, установилъ въ водахъ кругъ земный, и облекъ его Атмосферою. Тамо голубыя преплаваютъ на волахъ Боги, трубящїя Тритоны, премѣняющїйся Протей, и Исполинъ Эгеонъ, единою рукою задавляющїй Китовъ; тамо Дориса и Нереиды единоличныя, яко сестры родныя, но разноцвѣтныя; иныя изъ нихъ качаются на грамадахъ водныхъ, другїя на брегахъ осушаютъ расплетая руками зеленоватыя

свои власы; тамо люди обитаютъ на земли, и созидаютъ грады, жилище звѣрей темныя дубровы, простираютъ до облаковъ верхи древесъ своихъ: тамо видны быстрыя рѣки, прекрасныя Нимфы и Божики рощъ и жатвъ плодоносныхъ.

И се входитъ прекрасная Богиня въ храмину своего Брата, спящаго еще въ легкомъ снѣ, какимъ всѣ наслаждаются безсмертные. Проливаетъ слезы, преклоняетъ она предъ нимъ божественныя свои колѣна, исторгаетъ горькія жалобы на Книдскую Богиню, и колесницы его себѣ испрашиваетъ. Фебъ раздѣляетъ тоску, грызущую Діанино сердце съ нею, и препоручаетъ златыя возжи сестринымъ рукамъ. Діана входитъ воздыхая на колесницу; серебреныя колеса летятъ, угнѣтается златая ось, и Небо пріемлетъ прибывшую богиню. Въ преддверіи останавливается колесница, и огнедышущія кони пріемлютъ въ снѣдь изъ рукъ Ирисиныхъ сладкую Амвросію.

Діана

Діана, орошенная слезами, терзаема смущенными мыслями, вступаетъ въ пресвѣтлый чертогъ, гдѣ Боги освященный вкушаютъ Нектаръ, и приближаяся къ Юнонѣ, тако рекла ей: Царица Неба и земли! сжалься надо мною, отжени отъ меня иго владычества моего, или не гнѣвайся, когда я ужасное на смертныхъ подвигну отмщеніе. Ты препоручила мнѣ правленіе, да стрегу дѣвство, и цѣломудренную непорочность: но кто можетъ сохранить сіе златое руно? какой Аргусъ? какой Драконъ? когда Киѳерская Богиня всегда новыми ухищреніями преисполненная, будетъ разливать сладкую свою отраву, и умерщвлять стражей, отъ меня учрежденныхъ поносною смертію? Не она ли ввергла въ спокойное Греческое ополченіе, раздоръ толь гибельный Грекамъ? Не она ли произвела пламень, на сокрушеніе города Трои? Не она ли два свѣта вовлекла въ кровопролитныя брани? Вѣрь мнѣ, о всесильная Богиня! Еще древняя ненависть ея не угасла, тогда оружіемъ

ея было вредное желѣзо; а днесь препагубная лѣсть и ухищренїе! Развѣ не довольно того, что она изобрѣла вечеринки, балы и танцы, вымыслила шеколадъ, и кофе въ употребленїе ввела? Развѣ мало того, что красавицы вкушаютъ сокъ виноградняго гроздїя? Вымышленны къ погубленїю ихъ непорочности. Странныя питїя, лимонадомъ, пуншемъ и бишефомъ называемыя! Взгляни, о Царица вселенныя! Взгляни на обитателей твоего свѣта. Увы! въ какомъ забвенїи узришь ты всѣ свои законы! все, все преобращатся стало! Часто облекаю я сребрянный свой мѣсяцъ въ тѣнь мрачныхъ облаковъ, да не будетъ онъ свидѣтелемъ чинимыхъ въ нощи и снѣ согрѣшенїй! Никогда пресвѣтлый мой братъ не совершитъ дневнаго своего пути, не видя съ высоты горящїя его колесницы, нарушенїя клятвъ священнаго союза, или во искушенїе впадшихъ Нимфъ. Но пусть то поощренїе лестныя утѣхи! Почто умерщвлять не дремлющихъ стражей! Такое убивство, о Богиня! ничто иное, какъ

какъ явное противъ власти и скипетра твоего возмущенїе. — На земли обитаетъ Нимфа, которую я достойную насъ почитала и низпослала къ ней въ тѣлѣ постельныя сабачки духа хранителя. Отъ юности своея, отъ первыхъ лѣтъ: въ кои женщины чувствовать начинаютъ, даже до осьмидесятаго года забавлялась она единою только своею сабачкою. Противная намъ мысль не вмѣщалася никогда въ невинное ея сердце, и естли когда волновалась пламенная ея кровь, то сновидѣнїе погашало всегда естественное сїе поползновенїе. Но зря Венера, что всѣ хитрости ея тщетны, приступила днесь къ ужасному дѣйствїю. Духъ хранитель изгнанъ; умерщвленна прекрасная сабачка! Венера торжествуетъ, ей колѣнопреклонно молится вся Селенная: куренїе жертвъ ей приносимыхъ достигаютъ до нее изо всѣхъ концовъ земли, и ни кто, ни кто тебѣ не принесетъ всесозженїя, естли ты своей власти и мщенїя своего не засвидѣтельствуешь!

Юпитерь пріемля теперь увѣнчанный изъ рукъ Вулкановыхъ сосудъ, приноситъ его къ устамъ, священною брадою обросшимъ, и помававъ головою осклабляется, и рекль, три власти тратили совокупно при сей красавицѣ свои труды. Юнона, Дщерь Латоны и Духъ, защищали и сохраняли ея. Но тщетно всѣ три изнуряли свои силы; въ праздности теперь сидятъ, и издалека съ горестію взираютъ, какъ танцы и вино мало по малу влекутъ красавицу къ любви. Тако споспѣшествуетъ Венера любимцу своему Милорду; сія Богиня игоръ и утѣхъ, раздѣляетъ съ нимъ бранныя его подвиги. Скажите вы безсмертные Боги, скажите мнѣ, не достойно ли по толь многихъ трудахъ торжествовать ей? Надлежитъ ли ея Герою вѣчныя проливать къ ней молитвы, и никогда не имѣть побѣды?

Такъ развѣ всѣмъ моимъ предпріятіямъ, о не милосердый тиранъ Небеси и земли! пресѣкаетъ разгнѣванная Юнона рѣчь

рѣчь его: развѣ всѣмъ моимъ трудамъ, и всей моей надеждѣ въ тщету обращаться подобаетъ? На то ли погубила я гордыя Илїонскія стѣны? На то ли я Грековъ ополчила, и два свѣта кровавыми изнурила браньми? Низпослала я на сохраненїе непорочности и дѣвства Дїану; повелѣла душамъ, съ тѣлами разлученнымъ странствовать изъ края въ край; желая сими предосторожностьми побѣдить своенравїе твоей дщери, но что? Самъ Юпитеръ злодѣянїя ея подкрѣпляетъ! Взирай, о невѣрный! съ восхищенїемъ на хитрости ея! всѣ Боги, не толь неправедны, какъ ты, они всѣ оправдаютъ Юнону.

Юпитеръ тяжко воздыхаетъ, отъ вздоха его содрогается вся тварь, и жители въ Сатурнѣ ощущаютъ громъ. И се провозглашаетъ онъ; о не примиримая злость! раздоръ толь многїя тысящи лѣтъ продолжающїйся! вѣчная вражда съ обожаемою въ Италїи Богинею! Удобна ли такая малость возмутить кровь Сатур-

нову? Смерть презрительныя сабачки, удобна ли рушить спокойствіе Боговъ? Гнѣвъ твой хощетъ истребить все сладкое владычество Дщери моей, разсыпать Пафосъ, и храмы ей посвященныя сравнять съ землею. И и, оставь обитать Боговъ, насыть алчное желаніе, преисполни горестію всѣ сердца живущихъ на земли, и опустоши всю Селенную! Да будетъ не чувствительна Арминда, и естли тѣмъ еще ты не довольна, да будутъ всѣ люди не чувствительны, и да искоренится весь родъ смертныхъ. Тако удовольствуй ты зловредную свою ярость, лишь только по томъ когда Небеса имени человѣческаго слышать не будутъ, оставь въ спокойствіи и не тревожъ меня болѣ.

Юнона опускаетъ прекрасныя свои очи; совѣтуетъ мысленно съ собою, и надумавшись взираетъ съ пріятною усмѣшкою на Громодержателя, и рекла, власть твоя обладаетъ всею Подсолнечною, и хотя мнѣ природа моя и наше супружество

да-

дают право превосходства пред прочими Богинями: но пусть уже разделится тобою владычество, Богиням принадлежащее, и хотя да сравняешся Супруга твоя с любезною Дщерїю Повели, чтоб сердца прельщенныя прежде Ею, совокуплялися по том рукою Гиминея, и соединили Лорда с нѣжною Арминдою. И естли еще мила тебѣ Юнона, то услыши прошенїе мое, и вмѣсти невинно убїенную сабачку с Созвѣздїе.

Зевес премѣняет яростный на веселый вид, и низвед Божественныя с высоты Олимпа зѣницы, озирает пространство тверди, и находит пустоту. Прошенїе твое, милосердо говорит он ей, справедливо и услышано. Наконец да погаснет вражда от времян Омїровых продолжающаяся, и в знаменїе вѣчнаго мира, да возсїяет новая звѣзда на тверди Небесной, и да познает в свѣт безсмертную сабачку. Дїана прїяв сїе Юпитерово узаконенїе, отлетает в торжествѣ с Небес к Солнцу; а оттуда в прекрасныя долины.

КОНЕЦ ОСЬМОЙ ПѢСНИ.

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ IXя.

СОДЕРЖАНІЕ IX ПѢСНИ.

По умертвіи Донны, тишина во всемъ Санховомъ домѣ является, всѣ вокругъ предстоятъ надъ убіенною въ великой печали: Кренцъ насмѣхаяся совѣтуетъ Лорду торжествовать смерть Донны: Вестернъ, Брастеръ и Сиръ-Строомъ усугубляютъ насмѣшки; а Лади-Брантъ, и смиренная Лотта, отъ ревности ругаются Арминдою. Лордъ Санхо проситъ у Арминды прощенія, будучи причиною смерти любимой ея сабачки; а Ургонъ духъ низпосланной волшебницею вселяетъ во всѣхъ ненависть противъ Лорда и Арминды, потомъ приходитъ духъ хранитель яростенъ, прогоняетъ Ургона, и укаряетъ Арминду за убіеніе сабачки; а съ нею купно и себя. Она сіе внемля сокрушается и не утѣшно рыдаетъ. Между тѣмъ тѣло Донны освѣщается сіяніемъ, и скрываетcя отъ очей предстоящихъ возносится на Небеса, и помѣщается въ Созвѣздіе подъ именемъ Сирія.

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ САБАЧКИ

ПѢСНЬ IXя.

Ты, которая, подобно дерскому Фаетонту на свирѣпыхъ солнцевыхъ коняхъ вознесла Луну на пресвѣтлый Олимпъ, и оттуда опять на поверхность земли поставила, о Каліопа! отри теперь лiющiйся съ лица твоего потъ, отдохни по толь великомъ путешествiи, и по томъ соверши твою поему.

Тишина соединенная съ горестiю, владычествовала во всемъ пространномъ Санховомъ домѣ, и народомъ ужасное изумленiе обладало. Всѣ съ нетерпѣливостiю ожидаютъ, когда протекутъ сiи страшныя минуты; изъ устъ Ариминдиныхъ непрерывно цѣлый часъ стремятся тяжелыя воздыханiя. Всѣ стоятъ неподвижно окрестъ умерщвленныя Донны. Единый толь-

ко

только Кренцъ не тронутъ симъ печальнымъ зрѣлищемъ. Милордъ, рекъ сей нечестивецъ, теперь уже можешь ты всего уповать, побѣжденъ твой злобный супостатъ! потщись дать ему при концѣ послѣднюю сїю мучительскую утѣху, да насыщенъ кровїю онъ умретъ! Се предлежитъ уже онъ хладенъ и чувствъ лишенный, подобно Герою, которой прежде устрашалъ всѣхъ, и самъ пораженный палъ, умеръ, и болѣе уже не страшенъ никому. Тако изъ рукъ смертоноснаго Ангела, исчисляющаго дни Побѣдителей, не ожидаемое мщенїе низлагаетъ Тирановъ, повергаетъ въ крови яростно ими пролїянной, и Нерона, умерщвляющаго немилосердо Христїянъ, и Тита безъ жалости мухъ убивающаго. Торжествуй днесь, пожиная лавры съ Мавзолеи прекрасныя Донны, и впредь трофеи съ чела отирай.

Тако Кренцъ, Вестернъ смѣется продерзскому насмѣшнику, и мрачный его зракъ опять процвѣтаетъ. Приближается

онъ

онъ къ Милорду, и сожалѣнїе свое сими словами изъясняетъ: чортъ знаетъ, что это сдѣлалось; нѣтъ право . . . какое несчастїе! . . . дьяволъ всѣ души побери! . . нѣтъ, я отъ сердца сожалѣю; . . . но какъ сударыня могли поднятся твои руки! не сердись на меня Санхо, поди сюда дружокъ мой, помиримся! И смѣяся хощетъ его обнять: но Милордъ не отвѣтствуя ни чего, исторгается изъ его рукъ, взираетъ съ презрѣнїемъ и отходитъ. Тако горделивый Аяксъ всегда великїй, взираетъ на сына Лаертова предъ нимъ извиняющагося; внимаетъ льстецу, отъ ходитъ, и молчанїемъ презрительнымъ его награждаетъ.

Лади-Брантъ стоящая близь его краснѣя паче розы, приготовляется къ произношенїю слова, и въ крилѣ Папилїона своего легкїя опахаломъ подуваетъ вѣтры. И тако вопїетъ: о бѣдная! опасаясь она чтобъ не сочли ея упорною и жестокою, умертвила свою сабачку. Какой ужасной рокъ! о! кто

кто бы могъ тому повѣрить? Что сїе слезящее око, кое издавна веселилось, теперъ проливаетъ источникъ слезъ? Таковыя премѣны суть всегдашнїя рушители нашея радости! Днесь умираетъ сабачка, завтра послѣдуетъ ей любовникъ! О коль блаженна ты любезная старость, взирающая Стоическимъ духомъ на всѣ безумїя не смысленныя юности! Ты не имѣешь нужды въ искусствѣ творительныхъ красотъ, которыя часто снѣдаются естествомъ, а чаще воспою погубляются! Ты не упадаешь въ обморокъ изъ зависти внемля похвалы, или воздыханїи, сестрѣ или дщери твоей посвященныя! Блаженна ты и преблаженна, презирая поношенїе, когда нѣжная страсть любовника простываетъ, и любовныя письма хладѣютъ! Ты всего лишаясь непоколѣбима, и съ тѣмъ же твердымъ духомъ считаешь угри и прыщики на лицѣ, съ какимъ взираешь на разрушенїе фарфора!

Боастеръ исходитъ теперь изъ круга, шествуетъ въ задъ и передъ по храминѣ, иногда насвистываетъ маршъ, иногда воспѣваетъ: ахъ! *таланъ ли мой таланъ такой*! Но попечительной Сиръ-Строомъ табакерку въ рукѣ имѣя, пріемлетъ табакъ, и не дерзаетъ отвратить не подвижныхъ очей своихъ отъ умерщвленнаго тѣла. Наконецъ удрученъ горестію, ударяя себя въ перси вопіетъ: когда сердце другихъ содрагается, я радуюсь, воздѣвая невинныя мои руки, руки непорочныя, и не обагренныя дражайшею твоею кровію! Какой не милосердой рокъ тебя постигъ, о бѣдный звѣрокъ! Въ тебѣ, въ тебѣ умираетъ гордость, и красота прекраснаго твоего племени! Никогда взоръ твой, какъ взоръ кокѣтокъ, не леталъ по всѣмъ краямъ; никогда ты ухищренными прикрасами неополчалась на плѣненіе петиметровъ. Не чувствительно взирало твое око, съ прекрасныхъ рукъ, тебя носящихъ; не чувствительно, какъ и госпожи твоей, коя была тебѣ примѣромъ. Тщетно

Бо-

Болонскія петиметры и дерзскіе Французы, ссорились между собою за тебя, и рвались другъ предъ другомъ тебя ласкать. На невежливыхъ волокитъ, Германїею воспитанныхъ, взирала ты съ такимъ презрѣнїемъ, съ какимъ взираетъ Мовильонъ на стихотворцевъ ея. О какъ! какъ ты предлежишь теперь! Безчувственна, мертва, на твердомъ полу, въ страхъ ближнимъ твоимъ, и въ торжество супостатамъ, кои бывъ тайными, нынѣ явными уже становятся! Но о немилосердый Милордъ! Возможешь ли видѣть тако ея здѣсь лежащу? или подобаетъ ей изчезнуть безъ всякаго напоминанїя; какъ единой изъ подлаго народа? Приличнѣе оставить потомству лицеизображенїе Донны, нежели иной госпожи, которая нынѣ есть подозрительна, и которой ликуя поставленный въ храминѣ лицеподобїй, смѣется нашему дворянству! или что, что всего лутче, потщись чрезъ искусство Египетское сохранить тѣло ея въ роды и роды.

Тако

Тако онъ: а Лордъ обратясь между тѣмъ къ Арминдѣ, реклъ, могутъ ли прошенія исходатайствовать прощеніе винѣ моей? Я, я виновникъ всего несчастія! Я, о бѣдный звѣрокъ твой убійца! Я уязвилъ Арминду, и въ ней вторично уязвилъ тебя! О ты! которая владычествуешь симъ днемъ, Богиня, и у которой милосердіе я днесь испросилъ, утренняя заря была свидѣтелемъ моего всесозженія, се ли день радости и веселія! Того ли я уповалъ, чтобъ быть преисполнену стыдомъ и досадою? Быть, увы! виною смерти, и вѣчно проклинать дружество. Естлибъ какое нибудь предвозвѣстило мнѣ знаменіе, естлибъ я провѣщающаго врана, или бабочку, на лѣвой странѣ летящую увидѣлъ! Но кто грѣшитъ безъ опредѣленія? — Кто можетъ преступить узаконеніе предѣла? или кое разкаяніе, какія вздохи удобны возвратить не возвратную утрату? И такъ, сей день, день посвященный любви, да заключится въ памяти моей навсегда, днемъ несчастнымъ, зловреднымъ, горестнымъ

нымъ и ужаснымъ! Да будетъ онъ всегда протекать подобно мрачной нощи, и да не узрится въ домѣ моемъ, ни огня, ниже курящихся тебѣ, о лестная Богиня жертвъ. А ты прекрасная Нимфа не смущайся болѣе! я, или умру, или что похитилъ день несчастный, то другой благополучнѣйшій наградитъ тебѣ опять; ибо изъ дней, опредѣленныхъ намъ Парками, нѣкоторыя кровопролитію посвященны суть; а другія утѣхамъ и веселію.

Тако онъ: и рѣчь его Стихотворецъ достовѣрною почитая, установилъ по стоянію здѣсь счастія часовъ. Такъ съ ужасомъ считала Персія Бедраміона, и кровь ея при Платеи, Микалѣ и Мараѳонѣ пролїянная, справедливость того свидѣтельствуетъ Тако въ Фаргеліонѣ пораженная сила на брегахъ Граника, въ мѣстахъ, Троянскими развалинами удрученныхъ, и Пуническое погибло воинство: такъ и твой, о гордый Римъ! Гражданинъ трепеталъ, отъ дня Алліи: ибо тогда зрѣлъ онъ по

двухъ

двухъ пораженiяхъ твоего народа, горящiя твои стѣны. Вмѣстите вы, о Плутархи! и Пятокъ въ число злополучныхъ дней; въ сей день пролiяна кровь Лордова, и убiена постельная сабачка!

Ургонъ ликуя въ пышномъ торжествѣ, зритъ разрушенну веселость бесѣды, и празднество дня въ день погребенiя преобращенно: но еще не будучи тѣмъ доволенъ, хощетъ насмѣятся сладкому искренняго дружества союзу, и вдуваетъ ядъ ревности, въ сердце смиренныя Лотты. Любовь ея къ Арминдѣ оканчивается мрачною ненавистiю, и не премирительною злостiю. Для избѣжанiя обморока, бонясетъ она приводящiй въ движенiе кровь врачебный бальсамъ, и рекла Арминдѣ: отжени, отжени свое притворство; приключенiе сiе, паче утѣшаетъ, нежели сокрушаетъ твое сердце. Когда торжествуетъ Герой, не обходимо подобаетъ курится кровавымъ жертвамъ; а сiя въ невинной Доннѣ, принесенная тобою жертва, еще не

велика, въ разсужденіи превосходства знаменитыя твоея побѣды. Прорекши тако, умолкаетъ она, и страшась, да не будетъ явно всѣмъ внутреннее ея чувство, пріемлетъ табакъ, и тѣмъ его скрываетъ.

Между тѣмъ приходитъ Духъ хранитель яростенъ и не видимъ, и узрѣвъ страшнаго Ургона, сего жестокаго своего врага, реклъ ему: удались, о кровопійца! Раздоръ посѣянный тобою, да принесетъ тяжкое мщеніе на главу твою! Удались! удались отъ сюда! и на коняхъ, мрачною нощію тебѣ сѣдлаемыхъ, предшествуй Феямъ твоимъ въ темныя лѣса, и тамо сей день, день гнусныя твоея побѣды торжествуй! веселись съ Люциферомъ, или на ужасномъ лети Драконѣ, или собирай кошекъ, да ночнымъ концертомъ возвеличутъ славу празднества твоего! Нѣтъ здѣсь владычества Коболдова! иди, бѣги, ни мало здѣсь не медли.

Тако

Тако онъ. Ургонъ удаляется, и оставляетъ смрадную по себѣ Атмосферу. Всѣ табакерки возгремѣли, всѣ персты табакомъ преисполнились, и всѣ носы, обыкшїя естественно чхать, чхаютъ теперь искусствомъ принужденные. По томъ приближась къ Аминдѣ, рекль: приди о неблагодарная въ себя! тобою убїенна сабачка, тобою и я въ твоей сабачкѣ умерщвленъ! о естлибъ я прежде разлученїя моего съ землею, хотя единую каплю, хотя малѣйшую слезу катящуюся о мнѣ, по прелестнымъ твоимъ ланитамъ, узрелъ! Но нѣтъ, увы! Нѣтъ раскаянїя въ ожесточенномъ твоемъ зракѣ! Не сравненна съ счастливымъ Милордомъ вѣрная твоя Сабачка, однако вѣдай, что въ семъ градѣ, простирающемъ главу свою къ Небесамъ, освѣщенномъ лучами дневнаго свѣтила, и покровенномъ твердїю, усыпанною блестящими звѣздами, во градѣ смертными, или руками Всевышнихъ Боговъ созданномъ. Ты единая была красавица, котрую я достойною себя почитая, любилъ и охранялъ.

Тогда мгновенно востаетъ отъ мѣста своего Арминда: въ груди ея спираются стенанія, и начинающейся рѣчи предшествуютъ три тяжкіе вздоха. Три дара, говоритъ она, всего естества мнѣ любезнѣе: моя позлащенная колесница, уборный столикъ, и златыя мои часы. Но все бы я сіе съ охотою предала разрушенію, все бы сіе, желала преображенное въ пепелъ видѣть, естли бы только Донна, любезная моя Донна жива была! Блаженна и треблаженнабъ была, естлибъ только сновидѣнію повѣрила; избѣгла бы сего злосчастія, которое меня на вѣки съ Донною разлучило! Увы! дражайшая Донна! Уже ты никогда не будешь покоится на лонѣ моемъ: уже ты никогда при принесеніи кофе, меня возбуждать не станешь! О бѣдный звѣрокъ! съ какимъ веселіемъ завивала я руками своими щелковыя власы твои, радовалась тогда, когда веселую тебя видала, и смущалась, когда ты была смущенна! Сіи руки, руки и собственному не служащія моему челу, тебя питали, тебя

по-

носили, тебя покоили. Увы! Се вижу тебя бездушну и хладну предлежащую? — Но ты и умерщвленная еще прекрасна! Куда я ни пойду, гдѣ я ни буду спать, вездѣ тѣнь твоя, предъ слезящими глазами моими мечтатся будетъ.

Тако рыдаетъ она. Между тѣмъ обьемлетъ Донну сїянїе, подобное блестящему въ темнотѣ Фосфору; троекратно виденъ отъ нее сверкнувшїй лучь, троекратно освѣщается имъ храмина, и потомъ тѣло сабачки сокрывается отъ очей, взирающихъ на нее, всѣ преисполнены страхомъ молчатъ: единая только Муза, видитъ ее восходящу на Небеса: Вїющїйся вихрь подъемлетъ ее и быстряе ракетъ, быстряе брошенныя изъ крѣпкаго лука стрѣлы, возноситъ ее надъ облаками и планетами, и вмѣщаетъ на тверди, близъ свѣтящагося корабля: откуда болѣе, нежели въ двадцати звѣздахъ, разсыпаетъ Донна свѣтъ свой на поверхность земли: и называясь тамо Сирїемъ, паче

являет.

является намъ тогда, когда Солнце во Львѣ пребываетъ. Тогда жаркія дни продолжаются, и тихія дураки бѣснуются, когда сія звѣзда намъ видима; тогда разпаленныя красавицы воздыхаютъ, тогда истлѣвающія въ несносномъ зноѣ петиметры безумствуютъ, и врачи жадныя къ кровопролитію едва успѣваютъ удерживать растворенныя ими источники.

Утѣшайся ты прекрасная Нимфа! славно преставилась твоя Донна; Донна твоя будетъ жить вѣчно, и съ нею слава Арминдина. Кто ты, кто твой Санхо, и кто была твоя сабачка, покажутъ въ сей звѣздѣ, и самимъ позднымъ потомкамъ. Прозорливыя Звѣздочетцы; подобно какъ Антіохійскій воинъ смерть Юліанову изъ звѣздъ вычитая, обьявилъ: *днесь умретъ Апостатъ*!

КОНЕЦЪ.

